

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

СВЕТ
ТА

Звезды – холодные игрушки

Сергей Лукьяненко

Звездная тень

«АСТ»

1997

Лукьяненко С. В.

Звездная тень / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 1997 — (Звезды – холодные игрушки)

Люди не смирились с ролью «Космических извозчиков», обслуживающих более сильные расы. Люди боролись за свободу. За право быть в космосе не прислужниками могущественных господ, но – равными среди равных. Теперь человечество наконец-то добилось своего. Но достигнутый хрупкий мир висит на волоске. Когда этот волосок оборвется, война начнется снова. В этой войне уже не будет правил. В ней будет единственный закон: цель оправдывает средства!

© Лукьяненко С. В., 1997

© АСТ, 1997

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Лукьяненко

Звездная тень

Пролог

На космодромах трава не растет. Нет, не из-за свирепого пламени двигателей, о котором так любят писать журналисты. Слишком много отравы проливается на землю при заправке носителей и при аварийных сбросах горючего, при взрывах ракет на стартовом столе и мелких, неизбежных протечках в изношенных трубопроводах.

Но этот космодром – не земной.

Я сидел на траве, на самом краю огромного неогороженного зеленого поля. Его можно было счесть теннисным кортом для великанов или порождением большой фантазии помешанного на гольфе миллиардера.

Впрочем, здесь деньги не в ходу.

Лицо саднило, словно какой-то невидимый садист тер изнутри кожу наждаком. Поскольку так оно и было, я старался не обращать внимания на боль.

На зеленой ладони космодрома в хаотическом беспорядке торчали маленькие серебристые кораблики. Недавно я уже стоял здесь, но тогда мое одурманенное сознание не могло оценить зрелище с точки зрения землянина. А теперь... теперь я умножал боевую мощь каждого корабля на их общее количество, потом – на предполагаемое число космодромов планеты, добавлял неизвестные – те корабли, что были в космосе или на планетах Друзей, а также крейсера, которые вообще не покидают орбит. Результат, конечно, получался весьма приблизительный. С разбросом в целый порядок.

Но какая разница, что упадет на голову – тонна кирпича или десять тонн?

Покусывая травинку, я откинулся на спину. Посмотрел в небо. Что может быть более неизменным в любом мире и в любое время? Лежать, чувствуя кислый сок на губах, чувствовать, как засасывает, тянет бесконечное небо... Как переворачивается мир, и вот уже не ты валяешься на спине, расслабленный и ленивый, прищуренно вглядывающийся в бездну, а вся планета лежит на твоих плечах, и ты держишь её над небом. Последний и единственный атлант...

Травяной сок был горьким и едким, его родила чужая земля. А небо покрывала узорная вязь *облаков-для-приятно-прохладной-погоды*. Сквозь такую решетку не упадешь.

Не мне держать этот мир на плечах.

Я повернул голову, заставляя планету лечь мне под ноги. Посмотрел на неподвижное тело, лежащее рядом. Мужчина был жив, но сознание к нему вернется не скоро.

– Куалькуа, ты закончил? – вслух спросил я.

Да. Ваши лица и кожный покров идентичны, – беззвучным шепотом отозвался симбионт.

– Спасибо.

Мимикрировать фигуру?

Мужчина был и плотнее, и выше меня. Маскировка не помешала бы. Но сама мысль о новой боли, которую принесет перестройка тела, вызвала легкую панику.

– Не надо.

Присев на корточки, я начал стягивать с чужака одежду. Хорошо, что здесь предпочитают свободный покрой.

– Как думаешь, прорвемся? – спросил я существо, жившее в моем теле.

Возможно.

У куалькуа нет ни деликатности, ни страха смерти. Последнее время мне это стало нравиться.

Облачившись в одежду чужака, я встал во весь рост. В полукилометре виднелись низкие здания без окон. Ангары? Ремонтные мастерские? Заправочные базы?

– Может быть, корабль Римера еще не уничтожен? – риторически спросил я. – Хорошо бы вернуться на нем...

Куалькуа не ответил, но, странное дело, мне показалось, что я уловил отзвук его эмоций. Легкая ирония, симпатия и одобрение.

Возможно ли, чтобы существа, используемые как живые механизмы, как броня и устройства наведения торпед, настолько сроднились с техникой? Возможно ли, что сентиментальность в отношении корабля стала для них редким достоинством?

– Пора домой, – сказал я.

Тому, у кого он есть...

– А вы...

Когда-то наша раса не согласилась с решениями Конклава. Мы взбунтовались. У нас была планета. Теперь там пыль.

Я молчал, глядя на зелень космодрома.

Иди, Петр. Тебе есть куда возвращаться.

– Надеюсь, – сказал я. – Надеюсь.

Часть первая Земля

Глава 1

Красно-фиолетовая эскадра Алари. Сотня кораблей, патрулирующих границы Галактического Конклава.

Сквозь корпус, ставший прозрачным, я смотрел на рассыпанные в небе блески. Стоило остановить взгляд на каком-то корабле, как его изображение увеличивалось. Хорошая технология у Геометров.

Но разве в ней дело?

Есть в мире вещи посильнее оружия – воля, сила духа, уверенность в своей правоте, сплоченность. Что может противопоставить Конклав цивилизации Геометров? Дрязги и раздоры, глухое недовольство Слабых рас, самоуспокоенность и пресыщенность Сильных. Все шаткое равновесие рухнет в один миг. А если еще постараются регрессоры...

Капитан, мы движемся принудительно.

– Подчиняйся, – сказал я.

Ситуация опасна.

– Все в порядке. У меня есть инструкции. Это послужит благу Родины, – оборвал я корабль.

Разведывательный кораблик, принадлежащий Римеру, я так и не нашел. Видимо, он уже был уничтожен. На всякий случай. Впрочем, может быть, это и к лучшему. К компьютеру, вобравшему в себя часть памяти Ника, его манеру общения, его стихи, я невольно стал бы относиться как к разумному существу. А с этой машиной, новенькой, никому и никогда не принадлежавшей, было проще. Геометры ухитрились сделать своих борт-партнеров чертовски сообразительными, способными к вольному общению и нестандартным реакциям. И при этом оставить их только машинами.

Наверное, что-то правильное в этом есть. Не зря же ни одна раса Конклава не использует, по крайней мере широко, системы искусственного интеллекта, предпочитая прибегать к услугам Счетчиков, Куалькуа или иных узкоспециализированных существ. В самой мысли о создании нового разума, возможного конкурента, есть что-то пугающее. Но вот почему Геометры, с их заикленностью на единстве и дружбе, упускают подобный шанс? Может быть, когда вмешивается инстинкт выживания расы, вся идеологическая шелуха облетает?

Ситуация очень опасна, – скорбно сообщил корабль.

– Подчиняйся. Мы проводим миссию Дружбы.

Хорошо, когда идеология стоит на первом месте. Даже если Геометры допускали возможность угона корабля – они не позволили ему испытывать подобные сомнения. С заглушенными двигателями мы вплыли в центр эскадры, к флагманскому кораблю. Прошла всего неделя с момента, когда я увидел его в первый раз. Тогда огромный диск производил жалкое впечатление. В своей попытке захватить корабль Геометров целым и невредимым Алари преуспели, но урон понесли изрядный. Сейчас же флагман казался абсолютно новеньким. Грозная, неспособная проиграть боевая машина...

Куалькуа, – подумал я. – Твои сородичи участвовали в ремонте?

Да, – последовал беззвучный ответ. – Мы помогли в горячих зонах.

Но ведь это опасно и для вас?

Ну и что?

Потрясающее равнодушие к смерти. Небывалое. Что-то крылось за подобным поведением амебообразных существ, но никто еще не мог понять, что именно.

В центре флагманского корабля открылся люк. Шлюзов никаких не существовало, воздух удерживался силовым щитом. Мы падали в проем – это выглядело именно падением, потому что я ощутил легкую дурноту, когда гравитационные поля кораблей вступили во взаимодействие.

– Отключить гравитацию, – приказал я, когда мы оказались внутри флагмана. – Все защитные системы заглушить. Открыть кабину.

На этот раз кораблик повиновался беспрекословно, словно решив, что снявши голову по волосам не плачут. Кабина раскрылась, я почувствовал легкий пряный запах чужого, нечеловеческого обиталища. Похожий на пещеру ангар флагмана был освещен крайне скудно, неподвижные фигуры алари едва виднелись.

Мне стало не по себе.

Неделю назад я прорывался сквозь их ряды. Отважный герой, не помнящий, кто он такой, щедро раздающий затрешины и полосуемый ножом налево и направо... А на моем пути стояли техники и инженеры, все, не имеющие навыков рукопашного боя. Требовалась иллюзия схватки – и она была достигнута. Если бы мне навстречу вышли несколько настоящих десантников, да еще в хвалёных аларийских бронекостюмах, – никуда бы я не прорвался.

Мохнатые тела вокруг ждали. Как они смотрели на меня? С пониманием – ведь знали же, на что идут? С ненавистью – на моих руках кровь их товарищей? С любопытством – я все-таки вернулся, принес информацию?

– Где мои друзья? – прыгивая на пол, спросил я. – Алари!

Молчание. Потом вперед вышел черный алари в золотистой тунике.

– Командующий? – спросил я.

– Приветствую на борту, Петр Хрумов, – сказал переводчик-куалькуа, уродливым наростом болтающийся на шее командующего. – Мы рады, что тебе удалось вернуться.

В двух местах на его теле шерсть прикрывали белые повязки, вряд ли имеющие отношение к одежде. Уж не следы ли это моих ударов?

– Где мои друзья? – снова спросил я.

– Они спят. По вашему времени – период отдыха.

– Ничего, разбудите, они не обидятся... – сказал я.

Если алари задумали подвох, то я обречен... Но в эту минуту из дальнего туннеля показались две человеческие фигуры. Данилов и Маша. Они бежали ко мне, и я почувствовал, как отпускает, наконец-то отпускает напряжение.

Мне все-таки было куда возвращаться.

Вот только почему улыбки на их лицах такие вымученные?

– Петр! – Данилов сгреб меня в объятия. Потряс, заглядывая в лицо. – Сукин ты сын! Вернулся!

Маша вела себя спокойнее. Она просто улыбалась, и, странное дело, это непривычное для нее занятие делало девушку гораздо симпатичнее.

– Привет, – сказала она, протягивая руку и легонько касаясь моего плеча. – Здорово. Мы очень боялись за тебя.

Я покосился на туннель, но оттуда больше никто не появлялся.

– Где дед? – недоуменно спросил я.

– Он спит, – быстро ответил Данилов. – Он сейчас спит.

Алари не вмешивались. Сомкнулись вокруг мохнатым кольцом, с любопытством наблюдая за встречей. Я поискал взглядом командующего, спросил:

– Во время моего побега... я...

– Ты убил троих, – не дожидаясь окончания, ответил командующий.

А чего, собственно, мог я ожидать? Хорошо, что только троих. Вокруг были *не-друзья*, и плененный регрессор Ник Ример не церемонился...

Данилов легонько сжал мою руку.

– Командующий... – начал я.

Глупо извиняться и просить прощения. Не та вина, когда можно отделаться словами. Но что мне еще остается?

– Петр Хрумов, как представитель расы Алари я прошу у тебя прощения, – сказал командующий.

Я уставился в блестящие черные глаза. Нет, он не издевался.

– Мы вынудили тебя преступить законы твоей цивилизации, – сказал командующий. – Тебе пришлось убивать союзников. Наша вина огромна, но мы не видели иного выхода.

Нет, я не почувствовал облегчения от этих слов, в корне изменивших ситуацию.

И может быть, это то единственное, что оставляет мне право уважать себя.

– Командующий, я прошу прощения у расы Алари, – ответил я. – Скорблю о тех, кто стал жертвой.

Алари молчал. Какими бы разными ни были наши этические принципы, он не мог не переживать за погибших членов экипажа. Иначе он вряд ли командовал бы флотилией. Власть дает право принимать и требовать жертвы, но не избавляет от боли. Конечно, если это власть, а не тирания.

– Их жертва не была напрасной? – спросил командующий. – Ты побывал в мире Геометров?

– Да. – Я махнул рукой в сторону своего кораблика. – Это ведь другой аппарат. Тот, на котором я улетел, разобран и уничтожен.

– Почему?

– Потому что побывал в плену.

Данилов торжествующе посмотрел на Машу, и у меня закралось подозрение, что девушка была не прочь установить на кораблике Римера десяток-другой «жучков».

– Хорошо, что ты избежал той же участи, – сказал командующий.

– С трудом, – ответил я.

Алари качнул головой. Наверное, копируя человеческие жесты, но при его мышинной морде это выглядело комично.

– Цивилизация Геометров может стать союзником Слабых рас? – спросил он.

Вопрос был хорош.

Лучший вопрос сезона...

– Она может стать новым господином для Слабых, – ответил я. – Она вберет нас в себя. Подарит свою идеологию. Примет в свой круг.

– Невозможно насильно сменить идеологию развитого общества, – отпарировал алари.

– А мы недолго останемся развитыми, – сообщил я.

Черные мышинные глазки буравили меня насквозь. Потом командующий посмотрел на собравшихся вокруг – и алари брызнули в стороны. За десять секунд всех как ветром сдуло.

– Пойдем, Петр. – Алари протянул лапу, легонько толкнул меня в бок. – Ангар не то место. Комната для докладов ждет.

– Для докладов или для допросов?

– Это зависит от ситуации.

Судя по размерам «комнаты для докладов», здесь порой перед мышами отчитывались слоны.

Бугристая поверхность стен, обычная для аларийских кораблей, была тускло-оранжевого цвета, несколько осветительных сегментов тлело тускло и тревожно. Я полусел-полулег на покатое мягкое кресло, за мной закрыли люк. Немножко походило на заточение.

– Петя, – раздался откуда-то голос Данилова, – Алари просят разрешения пустить газ.

– Какой еще газ?

– Легкий транквилизатор. Для облегчения воспоминаний. Это абсолютно безвредно.

Звучало достаточно неприятно. Я пожал плечами, посмотрел в потолок.

– Валяйте.

Не было ни звуков, ни запахов. Только закружилась голова и свет словно бы стал ярче.

Ничего похожего на действие наркотика я не ощутил. Наверное, алари просчитались и их транквилизатор на людей не действует...

Потом накатила скука. Сколько я уже так лежу? Минуту, две? Чертовски много! Нельзя же так разбазаривать драгоценное время! От тоски можно помереть! Я заерзал, борясь с желанием встать и уйти.

– Петр, – я узнал голос командующего, – расскажи о том, что произошло с тобой после побега. С того момента, как ты оказался в корабле.

Его вопрос принес облегчение. Появилось хоть какое-то занятие!

– Меня звали Ник Ример, – сказал я. – Это сообщил мне корабль, используя неголосовой канал общения. Я был разведчиком и регрессором. Первое понятно, а работа регрессора заключается во внедрении в чужое общество и снижении уровня его развития. Это делается как подготовительный этап перед развитием цивилизации по правильному пути.

– Что такое правильный путь? – спросил алари.

– Дружба. Единство всех цивилизаций, их совместная космическая экспансия.

– С какой целью?

– С целью дружбы. Это замкнутый цикл развития, цивилизации поглощаются с целью поиска и приобщения новых.

После короткой паузы командующий спросил:

– Смысл?

Какой же он тупой!

– Никакого.

– Раса Геометров главенствует над поглощенными расами?

– Нет. Главенствует идея.

В разговор вмешался кто-то другой:

– Петр, продолжай рассказ.

– Привет, Карел, – я не удивился, узнав счетчика. – Мой дед далеко?

– Он здесь.

– Позови его.

Последовала короткая пауза, потом я услышал:

– Здравствуй, Петя.

– Привет, – сказал я в потолок. – Ты как, нормально?

Голос у деда был какой-то усталый и безрадостный.

– Да, насколько это возможно. Рассказывай, малыш. Как ты управлял кораблем Геометров?

– Давал общие указания. У него достаточно мощная система внутреннего интеллекта. Но... кастрированная.

– Поясни, Петя.

– Полагаю, компьютер корабля находится на грани полноценного разума. И он способен обучаться. Но почему-то не осознает себя.

– Да, мы предполагали. Это очень изящно реализовано, Петя. Их компьютеры не становятся разумными, потому что уже считают себя такими.

– Что? – Мне очень хотелось рассказывать самому, и все же я не удержался от вопроса.

– Более того. В каком-то смысле... – дед хихикнул, – каждый компьютер Геометров считает себя единственно разумным существом во Вселенной. Богом, если угодно. Он воспринимает реальность как игру своего воображения. Система такой мощности пришла бы к осознанию себя, не считай она эту задачу уже выполненной.

– Опасный путь, – решил я.

– Нет, Петя. Наиболее удобный. Единственно возможный, быть может. Узник не станет стремиться на волю, если считает себя свободным.

– Как я рад тебя слышать, дед, – помолчав, сказал я. – Знаешь... мне тебя не хватало.

Пауза была короткой и неловкой. Слишком многие сейчас слушали наш разговор. Не время для сантиментов.

– Рассказывай дальше, Петя, – попросил дед. – Этот газ вызывает болтливость и стремление поделиться информацией. Не мучайся.

– У Геометров очень хорошие корабли, – сказал я. – Они не используют джамп, но скорость их передвижения во внепространстве превышает все доступное Конклаву. Поскольку я ничего не помнил о своей личности, корабль стал действовать по инструкции...

Я говорил долго. Временами меня прерывали вопросами – Данилов, дед, Маша, аларийский командующий... Порой вопросы командующего казались немного странными, и я решил, что это спрашивает не он сам, а его переводчик-куалькуа.

Самым трудным было рассказывать об обществе Геометров. Я до сих пор не мог воспринимать его как абсолютно чуждое и сообразить, о чем нужно упомянуть. Отсутствие семей, например, было штрихом очень интересным, но вспомнил я об этом чисто случайно. К тому же я многого, очень многого не знал. Как работают транспортные кабины, например? «Это джамп, переход через иные измерения, или процесс копирования тела в новой точке с уничтожением оригинала?» – спрашивал алари. Я не знал ответа. От последней версии мне стало не по себе, но пришлось признать, что она тоже вполне вероятна.

Когда я закончил рассказ, действие наркотика почти прошло. Какой-то алари молча принес мне поднос с завтраком и удалился. Я уселся на корточки, стал есть, вслушиваясь в спор. Связь между комнатой докладов и тем помещением, где собрались «заговорщики», не отключали, и это радовало. Иначе я почувствовал бы себя самым заурядным шпионом.

Говорил в основном дед. Кажется, все – и алари, и счетчик – признали его главным экспертом по Геометрам.

– Их цивилизация феноменальна, – лекторским тоном вещал он. – Начнем с главного – на их родной планете существовало две разумные расы. Такие прецеденты известны?

– Да. – Кажется, это был именно алари, а не переводчик. – Несколько случаев зафиксировано.

– Каков же итог их совместного существования? – живо заинтересовался дед.

– Одна из рас уничтожилась в начальном периоде своего развития. Случившееся на планете Геометров более чем банально. Цивилизация низкого уровня развития воспринимает чуждую разумную расу как конкурента, подлежащего истреблению.

Почему-то мне показалось, что он оправдывается. Не свою ли расу имел в виду алари?

– Но здесь несколько иной вариант. Обе расы были развиты и вполне разумны. Геометры победили за счет создания биологического оружия – потрясающий прогресс для феодального общества.

– Мне не кажется верным это определение, – неожиданно сказала Маша. Замялась, потом с легким усилием продолжила: – Андрей Валентинович... общество Геометров затормозилось на феодальном этапе, но во многом переросло его. Петя говорил о долгом периоде изоляции

на одном материке, помните? Здесь есть некоторые аналогии с японским обществом. Затянувшееся средневековье, позволяющее добиться колоссального прогресса в отдельных областях науки. Их социальная основа – наставничество, тоже вполне объяснимо в такой ситуации.

Молодец, Маша! Она позволяет себе спорить с дедом! Растет, растет девочка...

Я допил кисленький сок, улегся на кресле поудобнее, закрыл глаза.

– И все-таки, Маша, это именно средневековье. – Дед не позволил сбить себя с позиции. – Азиатского типа, ты права. И культура их осталась именно в рамках азиатской линии развития.

– Что это значит? – вмешался алари.

– В развитии земной цивилизации, – пояснил дед, – можно выделить два основных потока – европейский, или западный, и азиатский, или восточный. Западная культура более направлена на отдельную личность, на индивидуума, его права и свободы. Восточная, как правило, оперирует категориями общества, государства. Поскольку мы принадлежим к западной культуре... н-да... и все-таки именно к западной, то восточную рассматриваем как более чуждую. Моделируя вымышленные общества – этим у нас занимается литература – мы придаем им черты азиатской цивилизации. Жесткая социальная структурированность, подавление свободы индивидуума... Восточная культура, напротив, придает вымышленным обществам черты европейской цивилизации.

– Странно, что вы не истребили друг друга, – заметил алари. – И какое общество сейчас главенствует на Земле?

– Западное, – уверенно сообщил дед. – Но в данный момент все различия стираются. А вот цивилизация Геометров построена на четкой восточной основе.

– Интересно, – сказал алари. – Я был уверен, что земная цивилизация – пример предельно структурированного общества. В отличие от нашего, например.

Кто-то, кажется Данилов, засмеялся.

– Ничего удивительного, – решил дед. – Наблюдая за чужим обществом, мы замечаем в первую очередь именно такие детали, как проявления порядка и организованности.

– Тогда возможно ли делать выводы о цивилизации Геометров? – спросил командующий.

– Возможно. Мы достаточно близки друг к другу, ксенофобия нам не мешает. Петр, ты согласен со мной?

– Наверное, дед, – подумав, ответил я. – У них не концлагерь, конечно. Но все организовано предельно четко. И никаких органов подавления, все строится на идеологии.

– Опять-таки характерно для восточного пути развития, – согласился дед. – И это очень плохо. При равных уровнях технического развития конфликт восточной и западной культуры приводит к чрезвычайно печальным последствиям. Будь у Конклава хоть какая-то общая, объединяющая идеология...

– Цивилизация Геометров немногочисленна, Андрей Валентинович, – вмешался Данилов. – Если действительно произойдет столкновение...

– А какое столкновение? – ехидно спросил дед. – Грозные эскадры Конклава помчатся бомбить миры Геометров? Полноте! Даже Земля ухитряется вести политику сдерживания... А ты полагал, что я не в курсе? Челноки, загруженные кобальтовыми и водородными бомбами, висят на орбитах уже десять лет. И чужие об этом знают. Командующий, вам это известно?

– Да, – коротко обронил алари.

Я немного растерялся – честно говоря, слышать о подобном не доводилось.

– Уровень развития предопределяет тип конфликта, – продолжил дед. – Расы Конклава не рискнут начать настоящую войну. Максимум – карантинные зоны, попытка запереть Геометров, отгородиться от них. Удастся ли это с расой, перетаскившей свою звездную систему через всю Галактику? Сомнительно. Начнется что-то вроде холодной войны. И вот тут-то Геометры смогут сыграть на привлекательных сторонах своего общества. Отламывать от Конклава кусочек за кусочком. Уйдем мы – и Конклав лишится срочных перевозок. Уйдут Алари – и

боевая мощь упадет процентов на сорок. Уйдут Пыльники – и возникнет кризис горнодобывающей промышленности. А если Сильные расы поймут это и все же решатся на войну, Галактику ждет полный геноцид. Прежде чем Геометры погибнут, захлебнутся под силовыми атаками, их корабли испепелят большинство обитаемых планет. Зальют отравой, уж в этом они традиционно сильны. Что можно противопоставить крошечному, быстрому и защищенному кораблику? А ему достаточно лишь приблизиться к планете и сбросить в атмосферу единственную бомбочку с вирусным аэрозолем. Положим, Дженьш и вы, Алари, разотрете всю систему Геометров в пыль. Но корабли-то останутся. И будут мстить. Долго, очень долго!

– Если их корабли, как мы предполагаем, используют энергию вакуума, то их автономность практически не ограничена, – заметила Маша.

Была долгая пауза, потом алари спросил:

– Андрей Хрумов, ты считаешь нецелесообразным сражаться с Конклавом и Геометрами?

– Ненужным. Они и так антагонистичны. Сильные расы не потерпят подобных соседей.

– Что ты предлагаешь? Чью сторону разумнее занять?

Дед помолчал.

– Вероятно, все-таки сторону Геометров, – сказал он, и я в полной растерянности привстал с кресла. – Их этика не слишком обнадеживает, но у Слабых рас будут шансы уцелеть. Попасть под новое господство, да. И все-таки – уцелеть.

Ну что же это такое? Я стоял, озираясь, словно пытался увидеть их сквозь стены. Неужели дед не понимает, к чему мы придем? Я же все объяснял! Да, вначале мы будем союзниками и друзьями. Часть Слабых рас вырвется из Конклава, объединится вокруг Геометров. Но ведь дело не ограничится навязыванием идеологии Дружбы, приобщением к вырвавшейся в космос утопии. С точки зрения обитателей Родины мы абсолютно неправильны. И нас опустят, так тихо и незаметно, что мы этого даже не заметим. Опустеют космодромы, встанут заводы – ну, например, чтобы восстановить порушенную экологию. Потом Геометры помогут нам своими, лучшими в мире, Наставниками. Например, чтобы приобщить будущие поколения к высоким знаниям. Подключат свою биоинженерию, побеждая наши болезни, а заодно и чрезмерную эмоциональность и агрессивность. Зачем накал эмоций тем, кто стремится к Дружбе? Даже убивать можно без ярости и ненависти. Сменится поколение, другое, как и хотел Конклав, кстати. И Земля станет новой Родиной для тех, кто уже не способен понять это слово по настоящему.

– Дед... – прошептал я. Но они меня не услышали.

– Андрей Хрумов, мне кажется, ты стал по-другому относиться к жизни, – сказал командующий.

Дед издал странный смешок.

– Да, вероятно. Разве в этом есть что-то удивительное? Жизнь лучше смерти в любом случае. А все, что мы услышали от Пети, наводит на одну мысль. Воевать с Геометрами – это смерть.

– Дед! – крикнул я. – Подожди! Есть еще Тень! Ты помнишь?

– Враги Геометров?

– Да! Те, от кого они бежали!

Я не видел лица деда, но представил – очень ясно, как он снисходительно улыбается.

– Петя, враг Геометров не обязательно будет нашим другом. Это первое. А второе – они убежали очень и очень далеко. Вряд ли Тень придет следом за ними.

– Зато мы можем прийти к Тени!

Я полагал, что дед устало вздохнет, как обычно, сталкиваясь с моим упрямством, но он только ответил:

– Добраться до Ядра Галактики? Не знаю, возможно ли это технически, но смысл? Смысл, Петя? Найти неведомую расу и указать, где скрываются ее враги? А захотят ли они преследовать Геометров? Если захотят, то не возьмутся ли и за нас?

– Ты же сам говорил о третьей силе! – воскликнул я.

– Это уже не третья, Петр. Это четвертая. Слабые расы, Сильные расы, Геометры, Тень. Законы существования общества отличны от законов физики. Если в астрономии проблемой становится взаимодействие трех тел, то в политике неопределенность привносит четвертый фактор. Добавить к нынешнему клубку проблем Тень – чем бы она ни была, – и никто не сможет предсказать результата.

– Но если предсказанный результат нас не устраивает? – спросил я. – Дед, если оба варианта – тупиковые, не следует ли попробовать что-то совсем новое?

– Не знаю, – ответил он. – Я ведь там все-таки не был, Петя.

– А я был!

Они все молчали. Я прошелся по комнате, потом попросил:

– Могу я отсюда выйти? Вроде бы я все рассказал?

Ответом было какое-то неловкое молчание. Потом дед попросил:

– Подожди, Петя. Есть определенная причина... побудь пока там.

Или они замолчали – или отключили трансляцию звука. Скорее второе.

Что же, они считают меня двойным агентом? Готовятся к проверкам и просвечиваниям на манер Геометров? Мной овладела злость. В конце концов, в моем теле сидит куалькуа! Можно расспросить и его!

Мы никогда не отвечаем на вопросы, Петр.

Почему? – мысленно спросил я. То, что куалькуа заговорил со мной сам и без видимой причины, было неожиданно.

Мы слишком на многое можем ответить.

Не понял!

А вот Алари понимают.

Куалькуа помедлил и добавил:

Дело не в тебе, Петр. Тебя уже подвергли всем возможным проверкам. Только в отличие от Геометров этот процесс не афишировался.

Что-то происходило. Что-то очень странное. Куалькуа, казалось, играл со мной в поддавки. В отличие от друзей!

Почему вы можете ответить на многое?

Он молчал.

Куалькуа, сколько особей в вашей расе?

Ты понял.

Или мне показалось, или он был доволен, что я догадался.

Ты... один?

Куалькуа молчал. Да, он не давал прямых ответов. Но порой снисходительно отвечал молчанием. Маленькие амебообразные куалькуа, разменные фишки в космических играх, инертные и ни к чему не стремящиеся существа. Нет, не существа. Существо! Существо, которое было единым целым. Всегда. Оно не боялось смерти, потому что для него она не существовала!

Господи, да что перед ним власть Сильных рас, их могущество и апломб, дипломатические игры и галактические интриги! Он позволял использовать себя, ибо потеря клетки не страшит организм. Он был единым целым, раскиданным по Вселенной, живущим в чужих телах и механизмах, греющимся под светом тысяч солнц и глядящим на мир миллиардами глаз! Какая сила, какие законы бытия позволяли этим комочкам студня, разделенным сотнями парсеков, мыслить вместе? Какой мир мог их породить?

Счетчики, Алари, Хиксоиды, даже Пыльники и Дженьш – да они же все почти люди! По сравнению с Куалькуа.

Я провел рукой по лицу – вспоминая, как ловко куалькуа менял мое тело. Легко было принять это как должное, а стоило бы подумать, как он обходил закон сохранения вещества, превращая меня в Пера и обратно!

Не бойся, Петр. Мы не стремимся к власти.

Я засмеялся. В моем теле жил не симбионт. Скорее частица Бога. Настоящего, не нуждающегося в громе, молниях и ветхозаветных заповедях... Нет, наверное, я не прав. На роль Бога куалькуа не подходит – да и не стремится к ней. Скорее его можно назвать частью природы. Чем-то древним и неиссякаемым – как ветер, свет, шепот реликтового излучения. Ветру не нужна власть – и даже если ты поймал его в паруса, не думай, что стал повелителем. Просто на миг вам оказалось по дороге... Я мысленно спросил:

Почему ты говоришь «мы»? Ведь ты один!

А что значат слова, Петр?

Что значат слова? Да ничего, наверное. Ты один, и я один. Мы все и навсегда одиноки, сколько бы самовлюбленных живых существ ни входило в расу. Каждый из нас – собственная цивилизация. Со своими законами и одиночеством. И все-таки – даже куалькуа приятнее говорить «мы»...

Я подошел к двери – участку стены, почти неотличимому от остальных. Низкому, удобному для алари. Прикоснулся к нему рукой, не слишком-то веря, что незнакомый механизм соблаговолит открыться.

Дверь уползла в стену.

В просторном зале были два алари. Они лежали на своих приземистых креслах перед чем-то, служащим пультом. На мой взгляд, пульт выглядел как исполинская хрустальная друза, увенчанная матовым неработающим экраном. А может быть, он и работал, только мое зрение отказывалось это воспринимать. Сероватая шерсть чужих вздыбилась, когда они посмотрели на меня. На шеях у обоих болтались куалькуа. Прекрасно.

– Я должен удалить из организма отходы жизнедеятельности, – сказал я. – Где это можно сделать?

История повторяется как фарс...

Один из алари встал и засеменил к уходящему вдаль туннелю. Другой сказал:

– Следуйте за ним, пожалуйста.

Теперь я не был пленником, которого следовало «держать и не пущать», хотя бы понарошку, я был источником важной информации и представителем союзной расы.

– Это очень интимный процесс, о нем не следует никого оповещать, – сообщил я.

Поставив перед несчастным техником небольшую этическую проблему, я пошел вслед за провожатым. Метров через двадцать, когда туннель кончился развилкой, сказал:

– Отведи меня к представителям моей расы. Срочно.

Алари замаялся. Вряд ли он был заурядным представителем своей расы и не понимал, что происходит незапланированное. Но на него давили сейчас два убедительных довода – мой, очевидно, достаточно почетный статус и воспоминания о кровавом побеге Ника Римера...

– Срочно! – рявкнул я.

Алари повернулся и пошел направо. Я двинулся следом, глядя на смешно опущенный зад и вздыбленный загривок чужого. Алари напоминал гончую, идущую верхним чутьем.

Хотя, если сходство не ложное и они действительно произошли от грызунов, запах играет в их жизни роль немногим большую, чем у людей.

Шли мы недолго, вскоре алари остановился перед закрытым люком. Посмотрел на меня с видом побитой собаки:

– Здесь идут важные переговоры...

– И я должен в них участвовать, – подтвердил я.

Было бы смешно, окажись дверь заблокированной. Но мой проводник алари имел, вероятно, достаточно высокий статус. Люк открылся.

– ...нет, нет и нет! – услышал я голос деда. – Я не могу. Это слишком большой шок!

– Какой шок, деда? – спросил я, входя. Куалькуа беззвучно прошептал в мозг:

А хочешь ли ты это знать, Петр?

Первый раз на корабле алари я увидел теплые, сочные цвета. Овальной формы зал, стены – нежно-розовые, потолок – ослепительно алый, пол багровый. Словно внутренности какого-то монстра... Командующий Алари лежал в центре, на кресле крайне сложной конструкции, рядом стояло три более привычных, рассчитанных на людей. Но заняты были лишь два, в них сидели Данилов и Маша. Рядом с алари стоял счетчик, уставившийся сейчас на меня с каким-то почти человеческим ужасом.

А деда нигде не было.

Я даже огляделся по сторонам, прежде чем спросить:

– Где дед?

Мой проводник тихонечко пятился, отходя от все еще открытого люка. Да, достанется ему... Я встретился взглядом с Даниловым, но тот опустил глаза. Посмотрел на Машу – она была растрепанная и бледная.

– Командующий, где Андрей Валентинович Хрумов? – спросил я. – Где мой дед?

– Это очень сложная этическая проблема, – помедлив, ответил алари. – Боюсь, что я не вправе отвечать, пока он сам не принял решения.

– Карел! Счетчик! – Я посмотрел на рептилоида. – Где дед?

Повисла тишина.

Ты ведь уже понял, – прошептал куалькуа.

– Петя, у меня не было иного выхода, – ответил счетчик голосом деда.

Сволочи!

– Что с дедом? – закричал я. – Что с ним, гады?!

– Петя, это я, – сказал счетчик.

Я шагнул к нему – не знаю, то ли чтобы убедиться, что родной голос идет из нечеловеческой пасти, то ли чтобы придушить чужую тварь, пытающуюся... пытающуюся...

– Не было у меня другого выхода, Петя, – сказал дед. – Не было.

Беззубая, усеянная жевательными пластинками пасть раскрывалась нервно и дергано, выдавливая звуки человеческой речи с отчаянной старательностью. В голубых глазах счетчика зияла пустота. Ничего, ничего знакомого и родного!

– Я хотел тебя дождаться, Петя, – сказал дед.

И я не выдержал. Ноги задрожали, стены дрогнули, повернулись, а пол прыгнул к лицу.

Глава 2

Лучше всего смотреть в потолок. Закрывать глаза – неправильно. Тогда сразу начинают лезть в голову разные мысли. А я не хотел сейчас думать. Ни о чем. Куда легче оказалось выбрать на потолке точку и не отводить от нее взгляда.

Так – легче. И можно слушать голос деда, идущий из пасти счетчика, и забывать о том, что произошло.

– Обширное кровоизлияние, Петр. Инсульт. Я никогда не исключал такого варианта, но уж очень не вовремя он выпал. Думаю, сутки бы я продержался, но не больше...

Голос у деда спокойный. И не потому, что он сейчас в теле Карела. Он бы говорил так же ровно и сухо, валяясь парализованным на койке. Наверное, таким тоном он и соглашался на предложение счетчика...

– Данилов принял мое решение сразу. Маша вот... почти не разговаривает. Ничего, тоже привыкнет.

– Как это было? – с болезненным любопытством спросил я.

– Меня усыпили. Карел считает, что иначе я сошел бы с ума в процессе перекачки сознания. А так... словно засыпаешь в одном теле, а просыпаешься в другом.

– Это страшно, дед? – поинтересовался я. И тут же проклял себя за глупый вопрос. Но дед ответил спокойно:

– Не очень. В конце концов, я давно готовился... хм... уйти насовсем. А случившееся все-таки вариант не из худших. Тяжело привыкать к новому зрению. Если бы ты знал, *каким* я тебя сейчас вижу... это очень смешно. К этим... лапкам трудно привыкнуть. К тому, что ходишь на четвереньках. Впрочем, я пытаюсь не двигаться, этим занимается Карел.

– Ты... вы... можете общаться? Напрямую? Ты читаешь его мысли?..

– Нет. Как я понимаю, Карел выделил для моего сознания локализованный участок своего мозга. – Дед оживился. – Интереснейшая раса, Петр! Какие огромные возможности! Вот, к примеру...

Если не смотреть на рептилоида – то все в порядке. Дед просто излагает абстрактную проблему: что чувствует человек, оказавшись в нечеловеческом теле, да еще и не полноправным хозяином, а случайным гостем...

Ребенком я однажды подцепил корь. Да и мало кто ухитрялся не болеть ею в детстве. У меня слезились глаза, я не мог смотреть на свет, лежал в зашторенной комнате и мучился от того, что дед забрал компьютер... от греха подальше. Вместо него он купил и поставил музыкальный центр, какой-то невообразимо навороченный, с обилием возможностей, и я, лежа в постели, на ощупь разбирался с пультом. До сих пор помню все кнопки на ощупь... и радость, когда нажатие очередной вылавливало в эфире какую-нибудь радиостанцию или запускало сидишник. Но лучше всего было, когда дед приходил, садился рядом и начинал со мной разговаривать. В первый же день я спросил его, почему от кори нельзя быстро вылечиться, и он прочел мне десятиминутную лекцию об этой болезни. Вряд ли дед разбирался в этом раньше, но, когда я заболел, ему потребовалось полчаса, чтобы вникнуть в суть проблемы.

– Вирусная инфекция, Пит, – тогда он любил называть меня Питом. – На этом фронте медицины особых успехов нет. Говорят, у чужих имеются эффективные препараты для уничтожения вирусов, но с нами они делиться не собираются... У тебя сейчас поражена лимфатическая система, помнишь, мы читали книжку «Как внутри меня все устроено?». Еще вирус гнездится в ретикулоэндотелиальной системе, но ты этим голову не забивай. Ничего страшного нет, я тоже в детстве переболел корью.

– Я не умру? – спросил я, потому что мне стало немного страшно.

– Если не начнется коревый панэнцефалит – нет, – обрадовал меня дед. – Но это маловероятно.

– А что такое панэнцефалит?

Дед объяснил, обстоятельно и подробно. Тогда я не выдержал и заплакал. И даже выкрикнул, что не хочу ничего этого знать и лучше бы он молчал...

Дед положил мне на лоб холодную ладонь, подождал, пока я немного успокоюсь, и сказал:

– Ты не прав, Пит. Страх – в неизвестности. Это единственный страх, который можно себе позволить. А когда знаешь – бояться нельзя. Можно ненавидеть и презирать болезнь. Бояться нельзя.

– А ты не боялся, когда был маленький и болел? – обиженно выкрикнул я.

– Боялся, – помолчав, сказал дед. – Но я был не прав...

Сейчас он был прав. Сейчас он не боялся.

Или имел достаточно сил, чтобы этого не показывать. То, что случилось с ним, словно бы стало академическим случаем, который он излагал перед потрясенными коллегами. А ведь он и впрямь это сделает, с превеликим удовольствием, если удастся уговорить счетчика отправиться на Землю! Влезет на кафедру в лекционном зале, оскалится, удовлетворенно взирая на побелевшие лица СКОБистов, экзобиологов, ксенопсихологов, экстратерральных лингвистов, дипломатов-инопланетчиков... И гаркнет: «Как ни странно, я все тот же старый хрыч Андрей Хрумов, хоть и сiju в уродском теле рептилоида...»

– Как ни странно, я все тот же Андрей Хрумов, хоть и похож немного на варана, – сказал дед. – И если Карел не решит очистить свою память, то мне светит еще долгая жизнь...

– Так ты меня переживешь, дед, – сказал я.

– Возможно, – легко согласился он.

Я покосился на деда... на Карела. Счетчик лежал на полу. Будь это просто рептилоид, он забрался бы на спинку кровати.

– Что он делает, когда ты... снаружи?

– Не знаю, Петя, – сказал дед. – Мне кажется, ему даже нравится такая возможность. Он же всегда имел два сознания, и вряд ли внешний мир занимал его больше, чем внутренний. Другой бы на месте счетчика стал шизофреником, а ему все равно...

– А ты, деда?

– Я?

Кажется, он попытался вздохнуть, но в теле счетчика это было непросто.

– Петя, в определенном возрасте такие мелкие неудобства, как негнущиеся суставы, слепнущие глаза или, например, пребывание в нечеловеческом теле, отступают перед самой возможностью жить.

– Как ты будешь дальше, дед? – тихо спросил я. – Здесь... хорошо, здесь только мы и алари. А на Земле?

– Часто ли я выходил из дома в последние годы? – вопросом ответил дед.

– А счетчик захочет...

– Он предложил мне компромисс. Пятьдесят лет мы пробудем на Земле. Карел будет послом Счетчиков у человечества. Потом полвека послом у них буду я, все равно на их планете человеку не выжить. И по новой.

Это было очень, очень щедрое предложение. И не только для деда, для всей Земли. Дипломатические контакты – качественно иной уровень в отношениях с расами Конклава.

Потом до меня дошел весь смысл его слов.

– Сколько живут счетчики, дед?

– Очень долго, Петя. – Он ответил не сразу. – Куда дольше нас.

– А про их мир ты что-нибудь узнал?

И в это мгновение рептилоид неуловимо изменился. Он дернул головой, потянулся и резко сказал:

– Петр, я прошу не затрагивать данную тему.

Секунда – и Карел ушел, спрятался во второй слой своего сознания. Но меня словно кипятком обдало. Нет, не с дедом, точнее – не только с дедом я разговаривал. Счетчик все время был рядом. Слушал, смотрел, делал свои выводы.

– Неудобно снимать комнату в доме со стеклянными стенами, – сказал дед. На этот раз – именно дед...

Была какая-то злая и едкая ирония судьбы в том, что именно Андрею Хрумову выпало доживать век в нечеловеческом теле. Причем – именно век по меньшей мере.

Я присел на постели, посмотрел на рептилоида. Нас оставили вдвоем, вернее – втроем. Вероятно, чтобы мы смогли уладить семейные проблемы? Увы, бывают ситуации, которые лучше и не пробовать разрешать, ибо разрешить их просто невозможно.

– Дед, что ты решаешь? Я имею в виду Геометров.

– Дальнейшие решения будут принимать те, кто имеет на это право, – просто ответил он. – Я предоставлю свои рекомендации, но не от меня зависит, с кем пойдет Земля. Надеюсь все же, что с Геометрами.

– Дед, это ошибка.

– Петр! – Рептилоид дернулся в тщетной попытке изобразить человеческое возмущение. – Все описанное тобой не выходит за рамки нормального общества.

– Выходит, – твердо сказал я. – И далеко.

– Петр, тобой сейчас движет чисто эмоциональная реакция. Тебя возмутила их структура власти? Власть, построенная на воспитании?

– И это тоже. Понимаешь, это система, не оставляющая шансов. При любой тирании, любой диктатуре всегда есть сопротивление со стороны общества. Это от рождения, наверное, закладывается. Пока есть деление мира на внешний – враждебный и на внутренний – семью, всегда существуют две логики, две модели поведения... Даже три, – не удержался я, – на стыке двух систем возникает личность как таковая, сплав общества и наследственности. Это дает свободу. Но мир, уничтоживший семью как таковую, становится монолитен. Нет конфликта. Нет двойной морали. Нет... нет свободы как таковой, наверное...

– Вот я воспитал тебя на свою голову, – промолвил дед, – и что хорошего?

– А я не просил меня воспитывать, – сказал я.

Дед помолчал, прежде чем ответить:

– Удар ниже пояса, Пит.

Но меня не растрогало детское имя:

– У тебя и пояса сейчас нет. Дед, как бы там ни было, но ты воспитал во мне именно право решать. Свободу. Так? Ты хотел этого? Так вот, я уверен, что мир Геометров ничего хорошего Земле не принесет.

– Петя, ты видел там, у них, нищих?

Я молчал, мне нечего было ответить, но, к счастью, дед решил усилить эффект:

– Бандитов, преступников?

– Видел. Я сидел в концлагере.

– Если верить твоему описанию, так это не самое ужасное место, Петя! Миллионы людей у нас живут в куда худших условиях. Ты видел лагеря беженцев под Ростовом? Или молодежные трудовые поселения в Сибири? – Дед повысил голос, выжимая из горла рептилоида все, что возможно. – Посмотрел на изнаночку чужой планеты – своя медом показалась?

Опомнись, Петя! Земля вовсе не тот курорт, которым ты привык ее считать!

Я вспомнил бескрайнюю холодную тундру. Цепочку сторожевых вышек, на которых обитали *Гибкие Друзья*. Историка Агарда Тараи, знающего слишком много правды, но даже при

этом не способного протестовать. Баня почему-то вспомнилась. Словно по контрасту – раскаленный ветер и толпа людей, боящихся коснуться друг друга. А еще пацаны из интерната «Белое море» – славные ершистые мальчишки, которых бережно и с любовью превратят в славных послушных роботов.

– Земля – это рай, – сказал я. – Поверь, деда.

Он как-то даже осекся от моего тона. Замотал треугольной вараньей головой, промолвил:

– Столкновение утопии с реальностью всегда приводит к деформациям. Утопия искажается, но...

– Нет, дед. Это не утопия деформировалась, а реальность.

– Что тебя наиболее возмутило в их мире, Пит? – спросил дед, помолчав.

Это было как привет из детства. Умение вычленять главное, которому так долго учил дед. «Не ной, объясни, что у тебя болит! Не бросай учебник, скажи, что непонятно! Не реви, вспомни, как тебе разбили нос!»

– Наставники. Их уверенность в себе. Их... их стремление творить добро.

Дед очень натурально крякнул:

– Да что же ты заводишься, Петя? Это ведь здорово, что люди верят в свою правоту! Что они пытаются воспитать детей! Хорошие учителя – вот чего не хватает нашему обществу!

Я вдруг вспомнил Тага. И ответил, пожав плечами:

– А детям не нужны хорошие учителя. Им нужны хорошие родители.

Внезапно дед захихикал:

– Петя, меня всегда поражали твои лакуны в знаниях и умение их заполнять. Ты вот сейчас споришь с авторитетами...

– А с авторитетами всегда приходится спорить. У них должность такая.

– Если бы я это знал раньше... – начал дед. – Ладно. Чего ты хочешь, Петя?

– Тень, дед. Я должен отправиться...

– Почему именно ты?

– Я знаю Геометров. Значит, сумею быстрее понять их врагов.

– И как ты мыслишь это путешествие? Джампом? Тридцать две тысячи световых лет делим на двенадцать целых три десятых... ух ты, всего лишь три тысячи прыжков! Если брать перерыв между джампами в два часа, то мы доберемся примерно за восемь месяцев. Реально, Петя?

Разозлился дед, это точно.

– Нет, – согласился я. – Даже если алари поставят на челнок свои генераторы и системы жизнеобеспечения... это слишком долго. У нас нет такого времени. Да и не выдержит никто столько джампов. Я на сотом рехнусь.

– Тогда о чем ты? У нас нет технической возможности добраться до Ядра!

– Есть. Кораблик Геометров.

Дед замолчал.

– Они используют движение сквозь подпространство, – пояснил я. – Как и Алари, и прочие расы. Вот только у них реализован принцип постоянного ускорения. Чем больше расстояние, тем выше скорость. На дистанции в десяток парсеков джампер, может быть, и побыстрее. А вот если расстояние в десять килопарсеков — тут ничего лучшего не найти.

– С чего ты это взял, Петр? – Он казался растерянным.

Я вздохнул:

– Пространство – как ткань, дед. Мы можем ползти по нему, скованные рамками скорости света. Можем смять и перескочить из точки в точку – это джамп. Складки всегда одинаковы, тут уж ничего не поделаешь, и шоковый эффект неизбежен – энергия не переносится вместе с материей. Все прочие расы используют изнанку пространства, как ее ни называй – вне-пространство, гиперпереход или подпространство. Но...

– Спасибо за лекцию, – сказал дед, – ее стоило бы почитать перед школьниками. Гипотез много, но принципа джампа мы не знаем. И как работают двигатели чужих – тоже. Единственный достоверный факт – скорость движения в подпространстве ограничена. Чем она выше, тем больше энергозатраты, причем в геометрической прогрессии. Значит...

– Дед, я говорил с кораблем Геометров, – объяснил я. – Это хорошая машина, там много информации. Принцип их передвижения – смесь джампа и движения сквозь подпространство. Вначале они уходят в изнанку, а потом начинают джампировать. Изнутри. Понимаешь? Не надо тратить энергию на движение сквозь вне-пространство. Нет джампер-шока.

Дед словно стал хуже соображать:

– Петр, но если эта информация есть в одном корабле... они же все одинаковы... тот, на котором ты улетел, также должен был ее содержать...

– А он и содержал, – сказал я. – Уверен.

Тело рептилоида дернулось. Я уже научился отличать, кто собирается высказаться – Карел или дед.

– Прошу прощения, что прерываю вас, Андрей Валентинович, – сказал счетчик. – Но это единственный доступный нам метод коммуникации...

– Врешь. – Я покачал головой. – Уверен, ты можешь читать его мысли. И транслировать свои.

– Могу, но не делаю, – отрезал счетчик. – Это было оговорено между нами.

Может быть, он и не врал.

– Да, я знал принцип движения Геометров, – продолжал счетчик. – Но это непринципиальная информация, которая мало что меняет. Поэтому я не считал нужным ее сообщать.

Тело рептилоида чуть обмякло.

– Принципиальная! – рявкнул дед. – Совершенно принципиальная!

Да, больше всего это напоминало раздвоение личности.

– Двигатели Геометров доступны чужим? Они не сходят с ума? А, Петя?

– Полагаю, что нет. Ведь свою звездную систему они перемещали тем же методом, а ее населяют три разумные расы. Да и не похож джамп в подпространстве на обычный джамп. Эйфории нет никакой.

– Значит, теперь всем расам Конклава становится доступно быстрое передвижение в космосе? Мы – не нужны?

Рептилоид привстал, передние лапы заплелись, и он шлепнулся на брюхо. Но дед даже не заметил, что от волнения попробовал двигаться в чужом теле.

– Карел, ведь это наша смерть! Если появляется враждебная Конклаву раса, абсолютно идентичная людям, это уже повод уничтожить нас! А если к тому же мы утрачиваем свою единственную ценность...

Счетчик принял управление телом, уселся поудобнее и сказал:

– Андрей Валентинович, я с самого начала предупреждал, что ситуация смертельно опасна для людей. Если Сильные расы узнают технологию Геометров, они уничтожат вас без всяческих колебаний. – Он помедлил. – Могу утешить лишь одним – та же участь ждет и нас. Мы ведь только живые компьютеры – для Сильных рас. Нас используют, потому что создание разумных машин считается опасным. Но Геометры обошли эту проблему.

– Кого еще ожидают неприятности? – перехватил инициативу дед.

– Многих. Конклав одновременно и ужасен, и спасителен тем, что использует сильные стороны своих членов. Да, это приводит к ущербному, одностороннему развитию Слабых рас. Но одновременно гарантирует им безопасность – их способности постепенно становятся уникальными. А Геометры развиты комплексно.

– Очень странно. – Похоже, дед немного успокоился. – Они пришли из Ядра. Расстояние между звездами в Ядре гораздо меньше. Можно было ожидать, что количество разумных рас

там на порядок больше, контакты между цивилизациями случаются гораздо чаще... соответственно – возникают структуры, подобные Конклаву...

– Что мы знаем о законах возникновения жизни? – бросил счетчик.

– Мы – *не много!* – съязвил дед.

– Мы – еще меньше.

Мне показалось, что рептилоид готов сказать что-то очень, очень важное. Но увы, дед, раздраженный необходимостью говорить по очереди с Карелом, этого не заметил.

– Нам известно лишь о двух цивилизациях Ядра, – произнес он. – Геометры – союз трех рас, в котором при внешнем равноправии главенствуют люди. И Тень, о которой мы не знаем ничего. Даже внешнего их вида.

Я наконец решил вмешаться в разговор:

– Мне кажется, они тоже гуманоиды.

– Почему?

– Ну... эти интонации, дед. Когда они говорили о Тени... мы так не рассуждаем о чужих.

Скорее о каком-то земном государстве. Неприятном, но своем.

– Геометры гораздо менее подвержены ксенофобии, чем мы.

– Тем более, дед. Они признают за Друзьями право на любые странности. Знаешь, такая вот позиция... старшего брата. С Тенью совсем другое дело.

Дед молчал.

– Карел, – негромко спросил я, – ответь мне на один вопрос. Почему мы с Геометрами так похожи? Даже не внешнее сходство, а единый генетический код. Это ведь не может быть случайным!

– Не может, – неохотно согласился счетчик.

– Тогда в чем дело?

Мне казалось, что если он объяснит, то я сразу найду ответ. Какой-то странный, универсальный ответ на все загадки и проблемы. Почему Сильные – сильны, почему Слабые – слабы, что такое Тень и как заставить Геометров не лезть ко всем со своей Дружбой...

– Я не знаю точного ответа.

– Карел, точных ответов не существует вообще, – ласково сказал я. – Но всегда есть догадки и предположения. Ты ведь не удивлялся тому, что мы с Геометрами похожи. Значит, имеешь гипотезу на этот счет?

– Только гипотезу. И не хочу ее сообщать.

– Почему?

– Вы ее примете – и перестанете искать ответ сами. Лучше, чтобы вы искали ответ самостоятельно, независимо.

Я поразмыслил секунду.

– Карел, если ты считаешь... думаешь, что мы примем твою гипотезу, значит, она льстит людям?

– В какой-то мере... – неохотно откликнулся рептилоид.

– Например, что и мы, и Геометры – потомки древней могучей сверхцивилизации, некогда заселявшей всю Галактику... – начал я.

Рептилоид зашелся тонким смехом:

– Петр, подобные мечты свойственны юным, незрелым расам. Я раньше не относил людей к их числу.

– Тогда, возможно...

Заговорил дед:

– Петя, я бы мог выложить тебе десять гипотез. Что Геометры – плод нашего материализовавшегося воображения, что мы – последствия их неудачного эксперимента или потомки заблудившейся экспедиции...

– Плод воображения? А почему бы и нет? Дед, ты же сам говорил, что их общество похоже на земные утопии! Даже я помню, мне где-то встречались регрессоры... или процессоры, Мировой Совет...

– Это ничего не значит, Петр. Это лишь вопрос перевода и восприятия. Когда счетчик влил в тебя язык Геометров, ты поневоле подобрал адекватные замены их терминам. Отовсюду – из научных журналов, из прочитанных в детстве книг, из бульварных газет. Будь ты французским астронавтом Пьером или американцем Питером, планета Геометров стала бы для тебя другой. Совсем другой. Мы смотрим на мир сквозь очки с толстыми кривыми стеклами, которые нам надели в детстве. Эти очки – воспитание, культура, менталитет. От них не избавиться никогда. Я не мог вырастить тебя под черным колпаком, Петя, тогда ты вообще не научился бы видеть.

– Слушай деда, он умный, – сказал Карел.

Я смотрел на ухмыляющегося рептилоида. Потом спросил:

– Сговорились? Двое на одного?

– Думаешь, я не прав? – поинтересовался дед.

– Прав, наверное, – неохотно признал я. – Ты умнее, дед. Гордись.

– Ничего, Петя, я ведь и постарше тебя буду.

Дед тоненько хихикнул, как всегда, если шутка была понятна лишь ему.

– Тогда скажи, что мы будем делать? Поддерживать Геометров? Сражаться за Конклав?

А?

– Как ты представляешь себе поиск Тени? – спросил дед, помолчав.

– В корабле Геометров есть какие-то маршрутные карты. Ведь он шел из Ядра Галактики самостоятельно. Я просто сяду в корабль и...

– Мы сядем в корабль. Все вместе. Ты, я... мы с Карелом. Данилов, Маша...

– Не выйдет, – с удовольствием сказал я. – Эти кораблики рассчитаны на одного. Максимум – на двоих, но это уже для коротких полетов.

– Ты помнишь, при каких обстоятельствах алари захватили разведчика Геометров?

– Что?

– Он пытался взять на бордаж истребитель алари. Пристыковаться и утащить с собой.

Видимо, операция достаточно отработана. Мы можем соединить корабль Геометров с нашим «Волхвом»...

Я засмеялся.

– Дед, ты серьезно? К Ядру Галактики – в челноке с жидкостным ракетным двигателем?

– Почему бы и нет?

А собственно говоря, почему? Я замолчал. Старый шаттл будет служить просто дополнительной кабиной. Вполне возможно, что мощности разведчика хватит и для полета вместе с челноком.

– Кстати, там уже не жидкостные двигатели, – добавил дед. – Алари сменили их на свои плазменные.

– Вот так просто взяли – и сменили?

– Да.

Я хотел было высказаться о центровке, аэродинамике, термоизоляции, системах управления – которые никак, ну никак не рассчитаны на чужую технологию! Потом посмотрел на ухмыляющуюся морду рептилоида и промолчал.

Дикарь, которому заменили на луке привычную тетиву из вымоченных кишок на синтетическую нить, может усомниться: будет ли теперь лук стрелять? Но мне, наверное, не стоит ему уподобляться.

– Алари не боятся? Это ведь нарушение законов...

– Снявши голову... – обронил дед. – Ну, Петя? Я готов согласиться с тобой. Употребить то малое время, что нам отпущено, не на бюрократическое безумие, не на споры с идиотами из правительств, а на полет к Ядру. Быть может, нам и улыбнется удача. Мы встретим Тень... высоких, белокурых, благообразных гуманоидов, которые научат нас добру и пониманию. И Геометры станут терпимее, а Сильные устыдятся и попросятся в Слабые, Земля превратится в цветущий сад... Ну? Отправимся за чудом, Петя. Но – вместе.

– Ты веришь в успех? – спросил я.

Рептилоид покачал головой.

– Тогда почему соглашаешься? Мы ведь можем совместить оба предложения. Я полечу к Ядру, а вы с Даниловым и Машей вернетесь на Землю.

Дед молчал. И счетчик не вмешивался.

– Ты... ты всего лишь хочешь попасть туда? – прозревая, спросил я. – Дед! Ты хочешь увидеть чужой мир?

– Да!

Насколько речевой аппарат рептилоида мог передать гнев, настолько дед этим воспользовался.

– Неужели ты не понимаешь? – рявкнул он. – Пускай я всегда был дураком и фанатиком, но честным дураком и романтическим фанатиком! Я всех космонавтов до начала эпохи джампа знаю по именам! Я ревел, когда наш марсианский зонд рухнул в океан... а тебе и название его ничего не скажет. Когда американский лунный поселок выгорел дотла, я первый раз в жизни напился с горя! Я хотел для человечества звездного будущего. Оно наступило – но не такое, как думалось. Но если рушится большая мечта – всегда остается место маленькой. Личной! Может быть, лишь через такие маленькие мечты и возможно свершить что-то большое, а? Да, я хочу увидеть небо, пылающее от звезд! Попасть в центр Галактики! Ступить на планету, где людей никогда не было и не должно было оказаться в ближайшее тысячелетие! И может быть – сделать что-то для человечества. Если это вообще возможно...

Он замолчал, не переводя дыхание – тело рептилоида в этом, похоже, не нуждалось, – а собираясь с мыслями.

– Я понимал, что могу сдохнуть еще при старте с Земли, – тихо сказал он. – Ну и что? Хоть тушкой, хоть чучелом, только в небо...

– Деда...

– Скажи, что я не прав, – произнес дед. – Знаешь, я соглашусь. В конце концов, ты лучше, чем я. Таким уж воспитан.

– Ты прав.

Рептилоид посмотрел на меня бледно-голубыми глазами.

– Знаешь, дед, вот Геометры, – продолжал я, – они не умеют хотеть чего-то себе лично. Почти не умеют. Может быть, это и есть главный недостаток, когда забываешь о себе?

– Этоизм как залог процветания цивилизации? – Дед на мое одобрение не отреагировал. – Нет, Петр, не надо подводить идейный базис под мое желание отправиться с тобой. Невозможно сейчас решить, что правильнее. Но побывать в Ядре – слишком большое искушение.

Не знаю, может, дед и был прав, что оборвал мои философствования. Только я действительно сомневаюсь в нормальности людей, которые ничего не хотят для себя лично. Ничего – ни власти, ни денег, ни бунгало на Мальдивских островах, ни неба, в котором миллион звезд, ни сладкой дрожи, которой пронзает тело джамп.

Если человеку нечего терять, он никогда не поймет другого. На этом уже многие попадались – от земных политиков до Наставников Геометров. И мир, в котором все заботятся лишь о других, был бы большой муравьиной кучей. Впрочем, это уже не ко мне, это скорее ко Льву Толстому с его нравоучительными писаниями. Или лучше к Софье Андреевне с ее воспоминаниями о великом муже и его поведении в быту.

– Хорошо, дед, – сказал я. – Давай поддадимся искушению.

– Только надо будет спросить, что об этом думает командующий Алари. У его авантюризма тоже есть свои пределы.

Умеет дед остужать энтузиазм.

Глава 3

Данилова я нашел в одном из ангаров флагмана. Точнее, не сам нашел, меня отвел туда вызвавшийся помочь алари. Теперь, вспоминая свой побег, я понимал, что весь он, от начала до конца, был подстроен. Никогда бы мне не пройти этими перепутанными, полутемными, лишенными всякой привычной логики коридорами. Надо быть крысой или хотя бы иметь их в предках, как Алари, чтобы ориентироваться тут.

А меня просто вели, оставляя один-единственный путь и создавая иллюзию свободы. Какая странная вещь – эта иллюзия была куда более правдоподобна и симпатична, чем настоящая, лишь чуть-чуть искаженная свобода в мире Геометров...

Данилов обихаживал «Волхва». Выглядело это, как всегда, нелепо. Крошечный человечек рядом с тушей шаттла, придирчиво осматривающий кортризоновые плитки обшивки, заглядывающий в сопла и похлопывающий по плоскостям. Глупо ведь, верно? «Волхв» – не автомашина, а Данилов – не шофер, чтобы ухитриться заметить неисправность.

Но ведь всегда хочется иметь контроль над ситуацией. Или – иллюзию контроля.

– Александр! – крикнул я, подходя. Голос гулко отозвался в пустом ангаре.

Данилов обернулся, сделал неопределенный жест рукой.

– Как машина? – спросил я.

– Так себе, – вяло ответил полковник.

– Дед говорил, что тут все переделали.

– Ну, не все...

Я зашел к шаттлу с тыла и заглянул в сопло.

Ничего необычного. Какие еще там плазменные двигатели?

– Алари поставили нам свои движки, – мрачно сообщил Данилов. – Рабочее тело – вода. Об источнике энергии сказали, что мы его принципа не поймем, но прослужит не меньше года. Тяга стала выше почти на порядок.

– А как теперь управлять?

– Они поставили на пульт переключатель. С двумя позициями – «плазма» и «эмуляция ЖРД». Сказали, что система управления подстроит все параметры на привычные нам, даже не заметишь, на чем летишь. Вот только летать можно будет нормально. Заходить на посадку по несколько раз, сгонять на Луну и обратно.

– А с Земли стартовать можно будет? – заинтересовался я.

Данилов помолчал. Неохотно обронил:

– Можно.

– И это все – на воде?

– Да.

Я мгновенно представил себе опустевший Свободный. Никаких ракетносителей, никаких хранилищ с горючим. Стартовые полосы – и ряды челноков. Разгоняются и взлетают, самостоятельно выходят на орбиту, джампируют...

– Возможно повторить их технологию? – спросил я.

– Лет через сто, – зло ответил Данилов.

Я его вполне понимал. Утыкаться носом в собственную примитивность – грустно. Тем более – в такую примитивность...

– Алари поставили нам свои двигатели для предполагавшегося полета к Геометрам?

– Да.

– А теперь снимут?

– Зачем? – Данилов криво улыбнулся. – Спрашивал я их... Ответили, что смысла в возне нет. Не стоит оно того...

Наверное, сцена была еще та. Данилов печально осведомляется у командующего флотом, когда снимут чудесные, волшебные, могучие плазменные движки. А тот, морща мышиную морду, отвечает, что смысла нет возиться с таким барахлом. Как взрослый, подаривший ребенку изумительное цветное стеклышко. Только ребенок не понимает, как это обидно, что твоя драгоценность для других – полное барахло.

– По крайней мере будешь пилотировать хороший корабль, – попытался я его утешить. Вышло это не очень.

– Меня «Волхв» вполне устраивал, – отрезал Данилов. – А с этими чудо-двигателями он у нас лишь до возвращения на Землю. Там его разберут для исследований.

– На Земле нас самих... разберут, – напомнил я. – За все хорошее. Одного джампа с низкой орбиты хватит для пожизненного отстранения от полетов.

Данилов промолчал.

– Мы говорили... с дедом, – продолжил я. – О полете к Ядру.

– Не думаю, что это разумно.

Я растерялся. От Данилова я возражений не ожидал.

– Петя, ты ввязался в авантюру, самую дикую авантюру в истории, – продолжал Данилов. – Неохотно, но ввязался. Однако случилось чудо, тебе удалось побывать в чужом мире и удрать. Не стоит этим гордиться. Как нам в свое время говорили – если первый полет в космос проходит без единой проблемы, это плохая примета. Вот ты поверил в свою удачливость, в то, что быть резидентом у чужих – несложно. И теперь готов кидаться туда, откуда едва унесла ноги целая цивилизация. Могучая и безжалостная... Я против этой идеи, Петр. Надо возвращаться на Землю. И по крайней мере предоставить этот вот корабль для исследований.

– Мы с дедом летим в Ядро.

Данилов косо посмотрел на меня.

– Как? Джампами?

Пришлось повторять для него все то же, что я объяснял деду. Про корабль Геометров и его принципы движения.

Полковник слушал молча и как-то скучно. Потом покачал головой.

– Есть одно препятствие. Вон оно идет...

Я обернулся. По ангару шествовал командующий красно-фиолетовым аларийским флотом.

– Дед со счетчиком должны были его убедить, – сказал я. – Да и в чем проблема?

– Корабль Геометров, Петр. Это очень, очень могучая технология. Одно дело, когда ты, лишенный памяти, отправлялся на нем к Геометрам. Совсем другое, если мы все в него заберемя... в трезвом уме и ясном рассудке.

– Не понимаю, – честно сказал я.

– А если мы отправимся не в Ядро? А на Землю? Предоставим человечеству подобную технику? Это не просто старые плазменные движки, которые невоспроизводимы промышленно...

Алари был уже близко. И наверняка слышал слова Данилова. Я нервно засмеялся:

– Корабль Геометров тем более невозможно...

– Возможно, – сказал алари. – Он автоматически ремонтируется, Петр Хрумов. Иметь такой корабль – все равно что иметь маленькую фабрику по их производству. Достаточно предприимчивая цивилизация может этим воспользоваться.

Он сделал паузу.

– А вы – достаточно предприимчивы.

Труднее всего спорить с подозрениями, когда они абсолютно беспочвенны. Мне вот и в голову не приходило приплести цивилизацию Тени в качестве повода, чтобы доставить раз-

ведывательный корабль Геометров на Землю. А Данилов по своей гэбэшной выучке об этом подумал. Как и чужой...

– Мы хотим лишь отправиться к третьей силе, – сказал я. – К четвертой, вернее. Потом вернем вам скаут Геометров. Если это будет актуально для вас.

– Будет, – сказал алари, не отрывая от меня взгляда. – Петр, твоя разведка в мире Геометров имела крайне малые шансы на успех. Но попытка отправиться в чуждую область Галактики абсолютно безнадежна. Это признает даже счетчик.

Вот так. Как поспорить с авторитетом существа, которое не ошибается?

– И все же счетчик советует попробовать, – продолжил алари. – И тоже готов отправиться к Ядру.

– Решение зависит от вас?

– Да.

Он долго молчал, этот мыш-переросток, ищущий выгоды для своей цивилизации так же напряженно, как мы с дедом для людей...

– Вы хотели бы сохранить корабль Геометров, чтобы изучить его технологию? – предположил я.

– Не обязательно сохранять, когда можно скопировать, – возразил алари.

Я вспомнил, как они исследовали тело Ника Римера, и не стал задавать вопросов.

Мы стояли возле шатгла, Данилов – с кислой, безнадежной миной на лице, алари – погруженный в раздумья, и я – отчаянно ищущий слова, которые могли бы убедить чужого.

– Все запуталось, – сказал алари. Негромко, словно размышляя вслух, пытаюсь донести до меня свои сомнения. – Если бы мы знали, какой неоднозначной станет ситуация, то сразу сообщили бы о случившемся Сильным расам. А теперь... я не вижу правильных решений.

Он стал мне ближе после этих слов. Гораздо ближе.

– Как бы ты поступил, человек?

– Не знаю, – сказал я. – Действительно не знаю. Если вы не до конца нам доверяете... ну, отправьте с нами несколько десантников.

– У доверия не бывает уровней, – ответил командующий. – Это... – Переводчик-куалькуа запнулся, подбирая слова. – Это триггер. Да или нет. Две позиции.

– Трудно быть чуть-чуть беременным... – ни к кому не обращаясь, буркнул Данилов.

– Почему? – поворачиваясь к нему, удивился алари. Не дождался от растерянного полковника ответа и снова посмотрел на меня: – Ты – обещаешь, Петр Хрумов?

– Да, – прошептал я.

– Вы не уведете корабль Геометров на Землю. Вы отправитесь на поиски цивилизации, которая называется Тень, и постараетесь вернуться. Семь земных суток наш флот будет ждать вас в этой же точке пространства.

– Хорошо, – еще не веря в удачу, сказал я.

– Сюда приведут человека Машу. Она ваш специалист по технике?

– Да.

– Пойдете в арсенал. Вам дадут любое необходимое оружие ближнего боя.

– Вряд ли нам придется воевать...

– Конечно. Но я не могу отпустить своего офицера невооруженным.

Я еще ничего не понимал. Командующий подошел ко мне. Протянул лапу, уперся выдвинутыми когтями куда-то в грудь.

– Петр Хрумов, рожденный как человек... – сказал он. – По праву командующего независимым флотом и в силу своего высокого происхождения я меняю твою судьбу.

В голосе не было никакой торжественности. То ли куалькуа не счел нужным ее изображать, то ли Алари не страдали эмоциональностью.

– Отныне ты офицер красно-фиолетового флота, – сказал командующий. – Ты подчиняешься мне, и я отвечаю за твои действия. Ты найдешь цивилизацию Тени во благо нас, людей, счетчиков и куалькуа. Ты вернешься.

Лапа алари сжалась, царапая мне грудь. Потом он повернулся и пошел прочь.

Я посмотрел на Данилова, но тот был ошарашен не меньше моего. Он с трудом улыбнулся и сказал:

– Сейчас у тебя хвост начнет расти...

– Перестань, – попросил я. – Не надо.

– Не принимай так всерьез. – Данилов похлопал меня по плечу. – Петя, ау! Алари просто обошел запреты Конклава на передачу технологии! Он сделал тебя своим офицером, чтобы позволить пользоваться кораблем Геометров. Ничего особенного!

– Ничего особенного? – Я потрогал надорванную рубашку. Надо будет зашить... – Саша, а часто чужие ради людей обходили запреты?

Данилов с нами в арсенал не отправился. Меня это удивило, но уговаривать я не стал. В конце концов, тут я больше полагался на Машу, изучавшую оружие под чутким руководством деда.

Помещение арсенала было небольшим и полутемным. Освещение – ладно, на вкус и цвет человек алари не товарищ. А вот размеры меня удивили. Оружие размещалось на открытых стеллажах, всего по одному экземпляру на каждом.

– Они что, не любят палить из одинаковых пушек? – риторически спросил я.

Маша снисходительно посмотрела на меня:

– Петя, это выставочный зал. Образцы. В оружейных залах СКОБы то же самое.

– Ты там бывала? – злясь на собственную глупость, спросил я.

– Я много где бывала, – без особой рисовки пояснила Маша. Пошла вдоль стеллажей, разглядывая замысловатые штуковины. Сопровождающий нас алари молча наблюдал.

– Газовые баллончики... – вдруг буркнула Маша.

– Что?

Менее всего эти смертельные игрушки напоминали газовые баллончики.

– Когда-то была мода на газовое оружие. Баллончики, пистолеты...

– Ну и что?

– Реальной пользы от них не было никакой. Законопослушный гражданин все равно не умел их толком применять. Да и эффективность – чисто символическая. Зато ложная иллюзия безопасности притупляла осторожность...

– Мне кажется, есть разница между баллоном со слезогонкой и плазменным пистолетом.

– Ага, есть. В темной подворотне. Но ты ведь не туда собрался?

– Откуда нам знать?

– Это верно... Тебе стоило порасспросить своих геометрических друзей о Тени.

– Не до того было.

Маша очень сильно изменилась за эти дни. Что-то в ней надломилось или, наоборот, окрепло. Может быть, из-за общей обстановки чужого космического корабля. А может быть, что более вероятно, – из-за случившегося с дедом.

Сомневаюсь, что в их отношениях была хоть какая-то эротика. Все-таки возраст деда не слишком к тому располагал. Но восторженное преклонение перед Андреем Валентиновичем у Маши имелось.

И вряд ли она легко перенесла случившееся. Возможно, ей пришлось куда тяжелее, чем мне. Все-таки опыт симбиоза с куалькуа – смена тел и лиц – не прошел даром. Я мог чувствовать в рептилоиде деда – прежнего, язвительного и непреклонного. Мог, закрыв глаза, поверить, что он продолжает сидеть рядом.

А вот Маше это было недоступно. Попросить, что ли, куалькуа войти с ней в симбиоз? Только согласится ли она? Может быть, лучшим аргументом будет не сила и выносливость, а возможность менять лицо... стать красивой. Куалькуа – как лучшие во Вселенной косметологи...

Нет, Петр.

Что?

Мы редко идем на подобный уровень взаимодействия. Ты был одним из немногих исключений.

Почему? – не отрывая взгляда от Маши, подумал я.

Информация. Нам интересно было узнать психику людей и мир Геометров. Но мы не станем входить в симбиоз с другими представителями вашей расы.

Вот так.

Не будет салонов красоты «Чародей куалькуа». И клиник «Здоровье от куалькуа» тоже. Ведь могли они без особых проблем спасти деда. Подлатать изношенные сосуды, прекратить кровотечение. Но зачем им это?

Бесполезно просить солнечный луч заглянуть в темную комнату. Проще открыть окно. Или зажечь лампу.

– Это все не то! – Маша повернулась к алари. – Ваше оружие не рассчитано на человека!

– Разумеется. – Алари словно проявил чувство юмора. Это был старый и потрепанный чужой, двигался он неловко, а шерсть его выцвела до белизны. – У нас нет обособленных конечностей для того, чтобы держать оружие.

Большая часть устройств и впрямь казалась приспособленной скорее для закрепления на морде. Я вспомнил увиденный когда-то короткий ролик: закованный в броню алари с ребристой металлической дурой, закрепленной на подбородке. Из устройства скользил тонкий голубой луч. Взмах головы – луч устремляется к камере. Конец фильма...

– Тогда давай подумаем, что можно сделать. – Маша не сдавалась. – Командующий приказал нам взять оружие.

Алари уверенно пошел к стеллажам.

Минут через десять выбор был сделан. Широкие незатейливые браслеты, вокруг которых при включении возникал диск силового поля двадцатисантиметрового диаметра. По эффективности устройство напоминало дисковую пилу. Я представил себе, что случилось бы, попадись мне при бегстве хоть один алари с такой штуковиной на лапе, и по спине пробежал холодок. Маша заказала четыре браслета, но я пользоваться ими не собирался. Проще простого было отсечь ими собственную голову или вспороть живот.

Другой агрегат оказался немного удобнее. «Базовый излучатель», та самая пушка из ролика, – только в отличие от алари нам следовало крепить ее на руку. Гашетка скрывалась внутри конусовидного корпуса, и у меня возникло подозрение, что в бою алари нажимают на нее языком. Эту штуку алари демонстрировать не стал. Я примерил излучатель на руку, он оказался тяжелым, но в общем-то подъемным. Потом вспомнился какой-то дурацкий фантастический фильм, где неустрашимый герой носился с чем-то подобным, присобаченным вместо потерянной в бою руки. Мне стало смешно, и я отложил излучатель.

Последнее устройство Маша отобрала сама. Алари, наверное, крепили его на спину – длинный ствол и тяжелая казенная часть явно были тяжелы для их лап.

– Ггоршш? – утвердительно спросила Маша.

Алари слегка заволновался.

– Нет! Нет! Это не ггоршш, это ггоршш! Осторожнее!

Спорить Маша не стала. Примерила чудовищную пушку к рукам, кивнула.

– Мы возьмем.

– На дистанции не менее двух километров трехсот метров! – Алари нервничал до тех пор, пока Маша не вернула гторшш, который на самом деле гторшш, на стеллаж. – Из укрытия! При включении закрыть глаза!

– И прочитать «Помилуй мя, Господи»? – успокаивающе добавила Маша. – Мы возьмем пару штук.

– Две тысячи? – растерялся алари. – Я должен уточнить количество, имеющееся на складе...

– Две единицы, – объяснила Маша. – Мне и Данилову.

– Правильно, – кивнул я. – У меня глазомер плохой. Вдруг не разберусь с дистанцией...

У дверей Маша покосилась на ярко-красные диски, спросила:

– Атомные мины?

– Да, – преданно отозвался алари. Похоже, последний Машин выбор произвел на него впечатление.

– Знакомые штучки, – без особого почтения сказала Маша, но брать их не стала. – Пошли ко мне, Петя. У меня есть кофе.

– Откуда такие познания в их оружии? – спросил я в коридоре.

– Информация немного доходит, – уклонилась Маша.

Знаем мы, до кого обычно доходит информация...

В каюте, которую алари гостеприимно отвели для людей, мне пришлось побывать только один раз. Усаживаясь в кресло, я невольно вспомнил свою искреннюю радость, испытанную при мысли, что существуют специальные подставки для сидения.

Радостная болезнь – склероз. Сплошные приятные сюрпризы.

Кофе был швейцарский, «Нескафе», в саморазогревающихся пластиковых чашках из полетного рациона шаттла. Я выдернул дурацкую трубочку – сосать кофе через соломинку можно лишь в невесомости или при помрачении рассудка, содрал с крышки обертку из фольги, с удовольствием принялся – та штука, что заменяла кофе у Геометров, все-таки имела абсолютно другой вкус, – сделал глоток.

– Спасибо, Маш. Это то, что было нужно.

В общем-то женщинам всегда приятны комплименты по поводу их кулинарного мастерства. Даже если они всего лишь открыли консервную банку, стоит восхищаться так, словно тебя накормили паровой осетриной или рассыпчатым узбекским пловом. Маша тоже приняла комплимент с удовольствием.

– Не понимаю, как вы летаете по месяцу, – заявила она. – Ничего толком нет съедобного.

– На космодромах есть ресторанчики. Там нормально готовят.

– И что, все завозят с Земли?

– Нет, конечно. Обычно доставляют образцы мяса, картошки, зелени. А чужие их подрачивают на своих пищевых синтезаторах. Тоже дорого, но дешевле, чем возить по-настоящему.

– Удобно, – согласилась Маша.

– Не до конца. Понимаешь, обычная еда всегда разная. Даже если картошка с соседних полей, все равно она разная. А мясо тем более, двух одинаковых коров не существует.

– Убивать животных для еды – мерзость, – неожиданно сказала Маша.

– Ты вроде не вегетарианка...

– Нет, но лишь по рассудочным соображениям. Животная пища необходима, поэтому приходится ее употреблять.

Меня такой подход позабавил. Любишь мясо, так не надо вставать в позу...

– Смешно? – строго спросила Маша.

– Да. Твои военные познания и любовь к животным...

– Знаю, знаю, Гитлер был вегетарианцем... Петр, одно дело честный бой, другое – употребление живого в пищу.

Я дальше спорить не стал, в таких случаях это бесполезно, лишь заметил:

– Все равно твоя любовь к оружию скорее характерна для мужчин.

– Ну и что? Я в детстве очень переживала, что не родилась мальчиком. Меня даже к психиатру водили, но оказалось, что сексуальных нарушений нет, лишь повышенная агрессивность и стремление властвовать.

Я поперхнулся кофе и зарекся общаться с Машей на подобные темы. Всегда пугался такой откровенности.

Но обстановка, честно говоря, только подобным беседам и соответствовала. Дед со счетчиком... увы, теперь о них приходится думать вместе, отсутствовали, может быть, общались с командующим, не знаю. А Данилов остался у шаттла.

– В арсенале я вначале думал, что ты все выгребешь, – сказал я, неуклюже переводя разговор на другую тему. – В силу повышенной агрессивности.

– Зачем? Один образец оружия, основанного на силовом поле, один лучевой излучатель, а главное – ггоршш. Наглеть вредно... Петр, ты позволишь интимный вопрос?

Мгновенно настроившись на подвох, я кивнул.

– Ты тяжело перенес смерть деда?

– Что?!

Маша вздохнула, уселась напротив.

– Петр, все-таки это смерть. Нельзя же и в самом деле считать, что человек – лишь набор электрических сигналов в синапсах.

– А что тогда? Душа? – В горле пересохло, и я начал запинаться.

– Не обязательно. Я неверующая. Но тело – это по меньшей мере половина человека.

Я смотрел ей в глаза – нет, она не шутила. Да и не шутят таким.

– Маша, для нас с тобой – может быть. Мы молодые. У нас гормоны бурлят.

Внезапно для самого себя я перешел на более циничный тон:

– Для тебя, наверное, я сексуально привлекателен...

– Есть такое дело, – спокойно ответила Маша. – Хотя и менее, чем Саша Данилов.

– Деду, извини, уже изрядно лет... – проглотив обидную откровенность, продолжил я. – Он питается в основном йогуртами и детскими пюре. Выкурить тайком трубку – для него событие, глотнуть водки – разгул.

– А пройти по саду, взять в руки цветок, погладить собаку?

– Когда я на Земле, то выгоняю его прогуляться!

– Все равно, Петя.

– Маша... а ты его действительно любишь?

– Андрея Валентиновича я любила и буду любить! – отрезала Маша. – Его самого, а не ящерицу с его памятью!

Что-то во мне взорвалось. Секунду стаканчик кофе подрагивал в моей руке, готовясь отправиться в полет по четко определенному адресу.

Остановило меня только то, что кофе еще был слишком горячим.

Я встал и вышел из каюты. Надо помочь Данилову в проверке шаттла. В конце концов, я второй пилот.

Второй пилот, а не закомплексованная девчонка, для которой человек и его внешность слиты воедино.

Чем бы ни руководствовались алари – презрением к нашей отсталости или искренним дружелюбием, но управление челноком и впрямь никак не изменилось. Пилотажный компью-

тер продолжал пребывать в полной уверенности, что на корабле стоят обычные жидкостные двигатели. Практически неисчерпаемый запас топлива и огромная тяга машину не смущали.

С Машей я больше не разговаривал. Она поглядывала на меня, видимо, сожалея о своей откровенности, но я предпочитал игнорировать ее взгляды. Деду, разумеется, тоже не стал ничего говорить.

Груз – оружие и какую-то пищу, предоставленную алари, хотели вначале разместить в грузовом отсеке. Оказалось, что в суматохе бегства и полета все напрочь забыли о складированных там бюстиках, которые так жаждали получить Джел. Безглазые головы партийных вождей прошлого века, героев крымского конфликта и президентских сподвижников укоризненно пялились на нас.

Снаряжение пришлось размещать в кабине.

Я оставался в шаттле до последней минуты. Когда все, включая деда-счетчика, разместились, я пожал Данилову руку и спрыгнул на пол. Данилов долго возился, закрывая люк, мне оставалось лишь смотреть на него снизу. В ангаре собралась порядочная толпа алари, среди них был и командующий. Перед тем как войти в кораблик Геометров, я подошел к нему.

– Я надеюсь, что мой офицер не подведет меня, – негромко сказал алари.

Куалькуа, как лучше ответить?

Он помолчал секунду, я даже решил, что он проигнорировал вопрос.

Вера и любовь помогут мне.

– Вера и любовь помогут мне.

Во взгляде алари появился живой интерес.

– Петр Хрумов, чем был для тебя мой поступок? Уверткой, как считает Александр Данилов?

Чуткий у них слух. Точнее, не у них, у куалькуа...

– Нет, – подумав, сказал я. – Доверием.

– Ты испытываешь благодарность?

– Пожалуй, нет. Признательность.

– Это тоже хорошо. – Командующий замолчал. Я счел это знаком, что прощание окончено, и пошел к скауту.

Куалькуа, я снова должен быть Ником Римером.

Ответа не было, но лицо зашипало. Куалькуа прорастал сквозь мою плоть, выдвигая на поверхность тела клетки, принадлежавшие когда-то безвестному поэту Геометров.

К кораблю я подошел уже Ником.

Полусфера кабины разошлась. Я оперся о корпус, готовясь запрыгнуть в свою скорлупку, и в этот момент потолок ангара открылся.

Порыв ветра – короткий, секундный, потом силовое поле перекрыло проем. Над ангаром пылали ослепительные звезды. Над ангаром зияла замороженная ночь космоса. Запрокинув голову, я смотрел, как влывает в нее «Волхв», как пробегают по корпусу корабля всполохи искр от взаимодействия с защитным полем. Отсюда, изнутри флагмана, межзвездная пустота не казалась чем-то страшным. Наоборот, она была пронзительно красива в своей неприкрытой нагоде, великолепна, ласкова и покорна.

Это должна быть наша красота. Мы должны вновь прийти в космос. Равными. Пусть не самыми правыми, как мечтают Геометры. Пусть не самыми древними, как Куалькуа. Пусть не самыми умными, как Счетчики.

Самими собой.

Я поднял ладонь – и заслонил ею полную пригоршню звезд. Может быть, принадлежащих Сильным и Слабым. Может быть, полных своей, кипучей и непокорной жизни. Может быть, ждущих того, кто придет первым.

– Чуть-чуть подождите... – прошептал я.

«Волхв» выплыл в пространство.

Внутри скаута все было, как в корабле Ника. Кабина закрылась, одновременно засветились экраны, я положил руки на коллоидный активатор.

Приветствую на борту. Собрана ценная информация о чужом корабле.

Компьютер, который, по словам чужих, считал себя разумным и всемогущим, ничуть не удивился, что его пилот возник из совершенно постороннего гуманоида. В этом машины Геометров ничуть не превосходили человеческие.

– Прекрасно. Взлетаем и следуем за кораблем, стартовавшим первым.

Собрана очень ценная информация! Необходимо доставить ее на Родину.

Мною овладел секундный страх, что корабль перестанет подчиняться и отправится к Геометрам с докладом.

– Хорошо. Но вначале нас ожидает крайне важная миссия Дружбы.

Ее важность так велика?

– Больше, чем возможно представить.

Выполняю.

Корабль начал подниматься. Алари внизу расходились, расступались к стенам.

– А теперь слушай задание, – начал я. – Следуем за удаляющимся кораблем на расстоянии... ну, скажем, ста шагов. При удалении от корабля, из которого мы стартовали, на десять тысяч шагов...

Нет необходимости в вербальной конкретизации, – осадил меня компьютер.

И мы рванули вслед «Волхву».

Глава 4

На расстоянии пяти километров от эскадры кораблик Геометров состыковался с челноком. Конечно, стыковкой в земном понимании это не было. Скаут буквально прилип к челноку – насколько я успел заметить, никаких стыковочных узлов не выдвигалось.

Сейчас мы представляли собой нелепую конструкцию из космического самолета и приклеенного к его борту в районе шлюза диска. Для меня, в условиях искусственной гравитации, это выглядело так, словно мы поднырнули под лежащий на боку шаттл.

Пара минут ушла на то, чтобы объяснить компьютеру, где у челнока верх и низ и куда должен быть направлен вектор гравитации. Не воспользоваться возможностями чужого корабля по созданию комфорта было бы глупо.

Потом скаут открыл проход.

Ох не так все просто оказалось с раскрывающейся «лепестками» кабиной! Если поначалу это выглядело чисто механическим устройством, то сейчас разница технологий Земли и Родины была налицо. В обшивке открылся проем, идеально копирующий люк «Волхва». Я спустился из кресла, которое сейчас казалось прикрученным к стене, осторожно коснулся люка тыльной стороной ладони и отдернул руку.

Холодный, черт!

Градусов сто. Ниже нуля, естественно.

– Открывай, свои пришли! – крикнул я, словно надеясь, что голос может быть услышан сквозь толстенную обшивку.

Ответом была тишина. Ну что они там возятся!

– Эй, хозяин, слесаря вызывали?

И тут внезапно ожил куалькуа:

Петр, ты доброжелательный и хороший человек.

– Это ты с чего взял? – спросил я.

Мнение.

Я ждал, пока слышался звук открываемых запоров. На «Волхве» есть простенькая блокировка, активизирующаяся, если за бортом – вакуум. Наконец люк подался ко мне.

– Привет, Саш, – сказал я таким тоном, словно мы не виделись с месяцем.

А ведь месяц назад мы и знакомы-то толком не были!

– Как осуществляется герметизация? – Данилов подозрительно посмотрел на соединенные с шаттлом борта скаута.

– Не знаю. Пусть это будет меньшей из наших проблем, верно?

– Верно, – согласился Данилов. Криво улыбнулся. – Выглядит так, словно корабли поцеловались.

Вдоль линии стыковки обшивка и впрямь утолщалась, напоминая губы.

– Точно выдержит?

Я пожал плечами.

– Ты нас немного напугал... гравитацией. Надо было предупредить, что при стыковке она и у нас появится.

Наверное, стоило. Но к хорошему привыкаешь быстро. Трех полетов на корабле Геометров мне хватило, чтобы воспринимать искусственную силу тяжести как должное.

– Ладно, идем, Петя.

– Стоит ли? Давайте начнем разгон.

Полковник замялся:

– Подожди. Надо поговорить.

Вместе с Даниловым я прошел в кабину. Рептилоид по-прежнему сидел в кресле космонавта-исследователя, Маша стояла, всматриваясь в центральный экран, на котором поблескивали чужие корабли.

– А в чем проблема? – непонимающе спросил я. Почему-то вспомнились слова куалькуа. «Доброжелательный и хороший».

– Петя. – Данилов остановился в паре шагов от меня. Тоже покосился на экраны – ему явно было не по себе от гравитации в шаттле, который находился в свободном полете. – Петя, давай решим, что мы собираемся делать.

– Ты о чем?

– Не всерьез же ты решил отправиться к Ядру?

Маша повернулась и уставилась на нас. Рептилоид – сейчас его телом явно управлял Карел – спрыгнул с кресла, разинул было пасть, но промолчал.

– Саша, ты чего?

– У нас плазменные движки Алари. Корабль чужих – технология, превосходящая доступную Конклаву. И он способен самовоспроизводиться. У нас образцы оружия этих... безумных мышей. Какого дьявола нам гибнуть?

Может быть, «доброжелательный и хороший» – синоним слова «наивный»?

– Петр, ты все сделал великолепно, – продолжал Данилов, явно ободренный моим молчанием. – Через несколько недель в Галактике заварится такая каша... наличие у Земли новой технологии может оказаться решающим. С кем бы мы ни пошли – с Геометрами или с Конклавом, – это изменит всю нашу судьбу. И твои действия... не думай, что о них забудут. Ты человек, который поможет Земле шагнуть в будущее. Изменит все! Ты уже герой. Все, что мы натворили, – ерунда. Речь пойдет не о наказании, о поощрении.

Он опять неловко заулыбался.

– Придется собрать сессию ООН, чтобы придумать тебе достойную награду...

Где-то по груди у меня забегали холодные мурашки. А еще стало холодно и противно. Как помоями облили.

– Вера и любовь... – сказал я.

– Что?

– Вера и любовь помогут мне. Так отвечают офицеры-алари на напутствие командующего.

В глазах Данилова что-то изменилось. Только что в них были смущение и вина. Как у шкодливого мальчишки, подбивающего примерного ученика прогулять уроки и попробовать спиртного. Теперь в них было лишь брезгливое презрение.

– Ты что, и впрямь принял все это всерьез? Петя, да Алари и пикнуть не посмеют, что мы увели эту технологию! У них самих рыльце в пушку!

– А ты спроси мнение Карела.

Не отводя от меня взгляда, Данилов спросил:

– Карел, ты сам расценивал предложение Петра как безумное. А чем ты назовешь мое?

– Предательством, – сказал рептилоид.

– Я не удивлен, – согласился Данилов. Сделал шаг назад, расстегнул кобуру.

Да он что, стрелять собрался?

Я ничего не успел сделать – Данилов достал оружие. Только это был не лазерник «Кнут», а та парализующая штуковина, и на пистолет-то не очень похожая, что однажды в моем присутствии применял дед.

Стрелял он почти не целясь, и я с каким-то глупым удивлением понял, что в этом деле у полковника опыт не хуже, чем в управлении челноком. Рептилоид мягко опустился на пол.

– Не волнуйся, он только парализован, – быстро сказал Данилов. – Петр, я последний раз тебе предлагаю...

– Эта штука однозарядная, – сказал я.

Данилов опустил глаза на парализатор – и я рванулся к нему. Не было времени просить куалькуа о боевой трансформации. Да впрочем, и нужды не было.

Может, я и не сотрудник органов с многолетним стажем. Только ведь и помоложе Данилова раза в два.

Вера и любовь!

Плывать мне, чем руководствовался командующий Алари! Я ему обещал отправиться к Ядру *честно!*

Данилов ушел от первого удара, встал в стойку, отбрасывая оружие. Я не стал размышлять. Школа рукопашного боя СКОБы – она наследница НКВД, КГБ, ФБР и прочих приятных контор. Наследница космической эры. В ней много необычных приемчиков.

Я просто размахнулся и залепил ему по уху. Без всякой науки, я так в детстве дрался.

Данилов опять попытался уклониться. Рефлексы у него были прекрасные. Но они же его и подвели. Одно дело – драка в невесомости, на чем, по слухам, и основана школа рукопашного боя СКОБы. Совсем другое, когда в привычной кабине шаттла невесомости нет. Данилов пружинисто оттолкнулся от пола, явно собираясь воспарить под потолок. Но гравитация с таким решением не согласилась. В неловком прыжке его и достала моя оплеуха.

– Гад ты... – прошептал я, глядя на корчащегося полковника. Почему-то вспомнился бедолага-навигатор, которому Данилов невзначай сломал ногу. – Гад...

Я пнул его по коленной чашечке, Данилов взвыл. Перелома, конечно, не будет. Но очень больно.

– Мы же люди! Люди, дурак! – закричал я. – Какая выгода, какие технологии, к чертовой бабушке! У нас, может, впервые шанс появился – найти себе друзей! Не Геометров, не Тень, а друзей – Алари! Ты знаешь, что такое для Геометров слово *друг*? Может, они и не правы, только не во всем! Мне поверили! Нам поверили! Что по сравнению с этим плазменный движок и ггоршш?

Данилов ворочался, держась за колено.

– Не ггоршш, а ггоршш, – донеслось из-за спины. – Две огромные разницы.

Я повернулся.

Маша держала еще один парализатор направленным на меня.

– Да, они однозарядные, – признала она вместо Данилова. – Не позволяет пока технология перезаряжать коллоидный лазер. Но я взяла их два.

Какой же я дурак!

Да разве можно было поверить, что в полукустарных условиях дедовского научного центра инженерный гений Маша Клименко соорудила целый арсенал оружия, превосходящего доступное СКОБе!

Неужели и дед был столь наивен?

– Не сердись, Петя, – сказала Маша, спуская курок.

Вот оно как – быть парализованным.

В теле какая-то мягкость образовалась. Не вата – кисель. Глаза полузакрылись, руки подтянулись к груди, ноги поджались. Щека, прижатая к полу, словно сквозь зубы решила просочиться.

Маша переступила через меня, нагнулась над Даниловым.

– Полковник, вставайте!

В ее голосе была не столько дружеская забота, сколько уважение к старшему по званию.

Боже, какой же я дурак!

Шаттл угнали!

Террористы хреновы!

Да ни один наш шаг с момента беседы с Даниловым не был несанкционированным!

А дед-то, дед!

Я смотрел в удивленно оскаленную морду рептилоида, в единственное, что позволяла видеть доставшаяся мне поза.

Будто пытался прочесть ответ в нечеловеческих глазах.

Да нет, знал все дед, прекрасно знал. Но хотел переиграть СКОБу. Надеялся, что личная преданность бывшей детдомовки Маши пересилит уставы и приказы.

Одного он не рассчитал – что преданность была направлена не на его успешно уклоняющиеся от атеросклероза мозги, а на старое, никому не нужное тело.

Данилов неуклюже переступил через меня, направляясь к пульту. Почему-то мне казалось, что он меня пнет. Но Данилов до такого не опустился.

Ведь мы друзья!

– Джампируйте быстрее, полковник, – попросила Маша.

– Я и сам знаю, майор, – ответил Данилов.

Блин, какая, оказывается, у Маши великолепная карьера!

– Закрепите Петра и счетчика в креслах, – приказал тем временем Данилов. – Живее. Возможно, алари могут наблюдать за нами.

Я хотел ему сказать, что если даже и могут, то не делают этого. Ведь у доверия нет градаций. Но говорить я не мог. И сопротивляться Маше, с натугой втаскивающей меня на кресло, – тоже.

– Может быть, приказать убрать гравитацию? – спросила она.

– Не надо. Не лезь в скаут, вообще о нем забудь. Если все в порядке, то он будет ждать возвращения пилота, но мало ли...

Меня пристегнули, и я больше не видел деда-Карела. Только слышал, как возится Маша. Как бегут по экрану цифры, отсчитывая время до выбора вектора джампа.

Куалькуа, ты можешь помочь? Куалькуа?

Симбионт ответил не сразу.

Нет. В ближайшие часы – нет. Очень оригинальное оружие. Периферическая нервная система в шоке. Я мог бы вырастить дублирующую структуру, но испытываю те же самые проблемы, что и ты.

Первый раз в жизни я не ощутил радости от такого торжества земной техники.

А со счетчиком ты не в симбиозе? Он серьезно поражен?

Нет. Их раса недоступна для симбиоза с нами. Их жизненная основа совсем другая. Слияние с ними так же невозможно, как с плазменной основой Торпп. Удивительно, что парализующий луч оказал на счетчика эффект... Небелковые структуры должны быть менее толерантны.

Нет, это и впрямь триумф земной науки! Счетчик-то, оказывается, – небелковая форма жизни! И все равно сражен наповал.

Почему все наши технические прорывы были и есть лишь в военной области?

– Приготовиться к джампу! – сказал Данилов.

Но даже нахлынувшая эйфория не прогнала отчаяния.

Словно на качелях... сумасшедших качелях. Взлет и падение. Тьма и свет. Экстаз и тоска. Миновало четыре джампа, прежде чем мне показалось, что тело начинает слушаться.

Увы, не только мне так показалось. Перед пятым прыжком Данилов и Маша связали меня – намертво, истратив катушку скотча. На своем кресле оказался пленником и рептилоид. Его спеленали еще тщательнее – явно сомневаясь в пределах физических возможностей чужого.

– Петя, хочешь пить? – спросил Данилов.

Он был вполне доброжелателен, и от этого накатывала еще большая тоска. Есть ли сейчас место героям-одиночкам? Можно сделаться симбионтом чудовищной древней амебы, можно позволить счетчику выкачать собственную память, а потом – пройти все круги рая чужого

мира и вернуться. Все можно. Вот только в решающий миг окажется, что незримый поводок и не подумали снять с ошейника. И тот, кого считаешь другом, следовал рядом лишь по приказу начальства, а нервная, дерганая девчонка терпеливо выжидала «времени икс».

– Скотина... – прошептал я и сам удивился, что губы уже слушаются.

В глазах Данилова блеснул нервный огонек.

– Петр, ты уверен, что вправе решать, как будет лучше Земле?

– Да!

– Вот и я в этом же уверен, – удовлетворенно кивнул он.

– Есть одна... разница... – выдавил я. – Ты меня обманул. Предал.

– Так, может быть, это означает, что я лучше знаю жизнь?

Не дождавшись ответа, Данилов кивнул:

– Вот так-то. Будешь пить?

Пить хотелось. Сильно.

После восьмого джампа Данилов снова поинтересовался, не нужно ли мне чего. На этот раз я не стал отказываться от воды. Жадно выпил стакан и даже собрался было спросить, на месте ли корабль Геометров. Очень хотелось услышать, что он отвалился, сгинул при джампе, включил двигатели и унесся... куда угодно, хоть в свой мир.

К счастью, я вовремя понял, что корабль никуда не делся. Иначе исчезла бы гравитация. Умная и наивная техника Геометров ждала своего пилота...

После двенадцатого джампа Данилов долго возился с навигационным пультом. Ясно было, что мы сбились с курса. Меня подмывало предложить свою помощь, но полковник, ясное дело, меня к управлению не допустит. А говорить это лишь в качестве насмешки над врагом... несерьезно как-то. Наивно.

– Саша, может быть, очистим трюм? – спросила Маша.

Данилов подумал, потом защелкал переключателями. Наверное, никакой реальной необходимости освободиться от груза бюстиков не было. Джамперу все равно, какова масса корабля, а плазменные движки алари и не такое вынесут. Но возвращаться с прежним грузом казалось глупым.

– Крепления сняты, блокировка отключена, – инстинктивно прокомментировал полковник свои действия. – Люк открыть...

Я невольно посмотрел на один из обзорных экранов. И не зря. Зрелище-то необычное.

Из раздвинувшихся створок люка, в снежной метели замерзающего воздуха, выпорхнули каменные головы. Прожектор грузового отсека включился, и в ослепительном луче все они казались сахарно-белыми, чистенькими и опрятными, исполненными печальной красоты. Веселой стайкой пронесли сверкающие лысые бюсты, ничуть не утратившие оптимизма, в гордом одиночестве ушел в бесконечность исполинских размеров насупленный вождь, потом потянулись лица почти незнакомые, чья слава была куда недолговечнее камня. Последним, на излете, из трюма вынесло удивленно и близоруко таращащуюся голову, словно вопрошавшую: «Как же так, а меня-то за что, товарищи?» Она пронеслась в опасной близости от телекамеры, кувыркаясь и обиженно заглядывая в объектив. Маша вдруг выругалась, словно с этим деятелем имела личные счеты. Впрочем, кто знает? Мало ли почему она лишилась родителей и оказалась в детдоме.

– Сбрось, сбрось балласт... – фальшиво пропел Данилов на незнакомый мотив. Хмыкнул и замолчал. Каменные сюрпризы отправились в странствие по Вселенной... То-то будет радости какой-нибудь цивилизации через сотню тысяч лет. Может быть, безропотные скульптуры сделаются ценнейшими экспонатами иноземных музеев, и лучшие умы будущего станут ощупывать их скользкими псевдоподиями и таращить глаза-стебельки, размышляя о величии ушедшей культуры...

– Всем спать, – неожиданно сказал Данилов, прерывая повисшую в челноке тишину. – Будем прыгать через два часа. Полагаю, понадобится серия из трех джампов. Петр, тебе что-нибудь нужно?

– Да, – вынужден был я признать. – Отлить.

Данилов развязал мне руки и отвел к санузлу. Возвращаясь – ноги были связаны и приходилось опираться о его плечо, – я поймал взгляд рептилоида. Печальный и безнадежный. Кажется, это смотрел дед.

– Данилов, тебя в чине повысят? – спросил я, пока полковник вновь прикручивал меня к креслу.

Он молчал.

– Генералом будешь, – ехидно продолжал я. – Целую неделю. Или месяц. Потом чужие сожгут Землю. Так что недвижимость не прикупай. Лучше расслабься. Бунгало, кокосовый ром, прекрасная мулатка...

– Петя, не старайся, – сказал из-за спины дед. – Он верит, что поступает правильно. В этом вся беда.

– Андрей Валентинович, не стоит, – спокойно ответил Данилов. – Петя может считать меня негодяем. Да и вы тоже. Только время покажет, кто был прав.

На этом мы и сошлись. Последнее слово всегда остается за тем, у кого руки не связаны.

Я честно попытался заснуть. Закрыв глаза. Вот только напряжение последних дней было слишком велико. Мелькали, словно склеенные безумцем, обрывки киноплёнки, Геометры и Алари, корабли и планеты, Гибкие Друзья и невозмутимый куалькуа. Великий, единый, бесстрастный куалькуа...

Теперь я могу помочь.

Что?

Провести боевую трансформацию?

Сердце гулко забухало. Как я мог забыть о своих не совсем человеческих возможностях? Разорвать путы...

Женщина охраняет. Данилов спит, но Маша бодрствует. Они помнят, что ты сильнее, чем обычный человек. У нее есть еще один парализатор.

Тогда что ты предлагаешь?

Смотри.

Пальцы зашекетало. Я опустил глаза, посмотрел на свою примотанную к подлокотнику кисть. Из указательного пальца медленно выползла тонкая белая нить.

Как с Гибкими Друзьями...

Нить тихонько сползала на пол. В подрагивающих движениях белесого щупальца было что-то отвратительное, паучье. Эта хищная плоть не принадлежала мне. Жила своей жизнью. Даже не надо ничего делать. Только позволить куалькуа – и она вонзится в тело Маши. Этаким опосредованный секс – старина Фрейд остался бы доволен. Пусть у майора ФСБ Маши Клименко в руках парализатор. Я – сам себе оружие.

Отвратительное, беспощадное и нечеловеческое.

Не надо!

Нить застыла. Куалькуа ждал.

Не делай этого. Не смей.

Почему? Ты ведь хочешь освободиться?

А почему не надо? Откуда мне знать? Враг – всегда враг, какой бы личиной он ни прикрывался. И я готов напасть на Машу, не думая о том, что она женщина, не вспоминая, что она была товарищем...

Но только не так. Не так! Не предательским уколом чужой протоплазмы!

Есть странная грань во всех этих межзвездных играх. Грань, которую нельзя переступить – если еще помнишь, откуда пришел и под чьим небом родился.

Нельзя ставить на охрану концлагеря существ чужой расы. Это забыли Геометры... Нельзя нападать на существо одной с тобой крови, пользуясь услугами чужака-симбионта. Это я постараюсь запомнить...

Хорошо. Я понял.

Нить задрожала, втягиваясь в мое тело. Куалькуа согласился без возражений.

Никогда не делай такого с людьми, – зачем-то попросил я. Пока ты в моем теле – не делай.

Маша тихонько кашлянула. Она даже не заподозрила, что могло сейчас случиться.

И слава богу, что не заподозрила.

Навигатор из Данилова был средний. Хотя нет, нельзя называть средним навигатором человека, который все же вывел шаттл к Земле. Правда, понадобилось ему для этого еще восемь прыжков, а не три.

К последнему джампу я был на взводе. Оказывается, пытка наслаждением и впрямь возможна. Когда экстаз прыжка перемежается нудной работой по реанимации корабля – это одно. А вот когда все время валяешься связанным, тупо ожидая очередного приступа эйфории, – хорошего мало. Наверное, так чувствует себя пьяница во время запоя, когда очередная бутылка, пусть даже самого изысканного вина или древнего коньяка, не приносит радости, даруя лишь короткое, тупое забвение.

– Пойдем к «Гамме», – негромко сказал Данилов. Они с Машей рассчитывали последнюю траекторию – уже не джампа, обычного ракетного полета. – На максимальной скорости...

Интересно, а почему к «Гамме»? Глядя в потолок, я обдумывал все плюсы и минусы российской станции СКОБы. Не хотят садиться на планету – что ж, разумная предосторожность, мало ли чего насовали алари в начинку «Волхва»... Да и невозможно сесть с «приклеенным» к борту скаутом Геометров. Но какие преимущества у небольшой «Гаммы» перед главным штабом обороны – «Альфой» или американской орбитальной базой «Бета», скажем откровенно, превосходящей «Альфой» размерами и возможностями?

Ответ был так очевиден, что я не сразу в него поверил. Все преимущества «Гаммы» заключались именно в том, что это российская станция.

Вот те раз. И вот те два! Мы с дедом попали не просто в ловушку СКОБы! Мы попали в межгосударственную интригу. Российские гэбисты решили помочь родине!

Нет, я, конечно, не против. И если бы речь шла только об этом, о возможности обставить американцев, японцев и объединенную Европу, – первый бы пожал Данилову руку, а Машеньку расцеловал, несмотря на ее вечно угрюмый вид. Подарить стране хоть немного гордости за себя... пусть даже гордости за удачное воровство – я готов. Всегда. Но до того ли сейчас?

Когда пылает дом, не время ссориться с соседями из-за протекших кранов.

Я даже захихикал, искоса поглядывая на гэбистов. Но им было не до меня.

– Обнаружат неправильность формы, – сказала Маша. – С «Дельты» и «Альфы» – наверняка. Да и выхлоп у нас... не тот.

– Я свяжусь с управлением, – пообещал Данилов. – Пусть работают по третьей схеме.

– Экспериментальный полет?

– Да. Пошумят и успокоятся.

– А в ангар «Гаммы» мы впишемся? – спросила Маша после паузы.

– По габаритам – должны.

Все ясно. Иностранцам, в первую очередь американцам, будут пудрить мозги, уверяя, что «Волхв» испытывал начинку «Юрия Гагарина», многострадального, уже лет десять проектирующегося корабля с плазменными движками. Рано или поздно те выяснят, что никаких

работоспособных плазменных двигателей в России не создавали, и вот тогда начнется шум. Но сейчас важно выиграть время...

Я невольно начал думать так, словно был на стороне Данилова и Маши. Словно не сидел, прикрученный к креслу сотней метров скотча. И Данилов будто почувствовал эту слабость.

– Петр, – он развернулся в кресле, легонько оттолкнулся от подлокотника, опять забыв про искусственную гравитацию и попытавшись воспарить, – еще можно все переиграть.

– Отправиться к Ядру? – спросил я со всей возможной наивностью.

Данилов вздохнул:

– Петр, я развязываю вас с Карелом... и мы приводим корабли вместе. Записи черного ящика рептилоид подкорректирует, полагаю... Ну?

– А бунта не боишься?

– Рискну верить на слово.

– Не верь мне, Данилов, – сказал я. – Вот я – верил тебе, и гляди, что получилось.

Он пожал плечами и сгорбился над пультом. Больше мы ни о чем не говорили – все два часа, пока «Волхв» шел к «Гамме». Не о чем нам теперь было говорить.

Единственное, что меня удивляло, – молчание рептилоида. Ни Карел, ни дед не пытались вступить в разговор. Хотелось верить, что они просто придумывают сейчас план нашего освобождения. Вот только я прекрасно знаю: когда дед что-то замышляет – он, наоборот, болтает без умолку...

«Гамма» построена по древней, еще Циолковским придуманной схеме «колеса». Тридцатиметровый вращающийся диск, в центре-ступице – невесомость, а по окружности – некое подобие силы тяжести, создающееся центробежной силой. Зачем это понадобилось Роскосмосу и СКОБе – бог знает. Особого комфорта псевдогравитация не прибавляла, экипажи менялись ежемесячно и от невесомости не пострадали бы, зато проблем возникало выше головы. Например, для перехода в боевое состояние «Гамме» требовалось прекратить вращение – иначе наводка боевых лазеров становилась невозможной.

Не иначе как это была одна из последних попыток нашей космонавтики вернуть себе утраченное лидерство. Хотя бы часть его. Попытка наивная и безнадежная, как и все остальные – заводик по производству сверхчистых полупроводников и безаллергенных вакцин, не то уже сгоревший, не то просто заброшенный на орбите, лунная база, третий год работающая в автоматическом режиме, недостроенный «Зевс» – корабль для полета к Юпитеру, спроектированный до изобретения джампа и успевший безнадежно устареть...

В ангар «Волхв» вошел впритык. Данилову потребовалось все его мастерство, чтобы затащить два корабля внутрь, не вмазавшись в хрупкие стенки. Еще с полминуты, тихо матерясь, он подрабатывал маневровыми, гася остатки момента инерции. «Волхв» раскачивался по ангару словно свинцовый шарик, брошенный в крошечную и хрупкую елочную игрушку. Любой удар о стенку мог серьезно повредить станцию, но выхода у Данилова не было. Наконец челнок застыл – точнее, начал медленно опускаться на стенку цилиндрического ангара, влекомый едва ощутимой центробежной силой. Люк ангара стал беззвучно закрываться, пряча нас от любопытных радаров с других станций СКОБы.

Вот и приехали. Два корабля, два героя и два пленника. На меня навалилась апатия, и я закрыл глаза. Хватит. Нельзя бороться бесконечно. У меня был шанс – там, на полпути, когда куалькуа услужливо вытянул щупальце. Я не захотел, не смог им воспользоваться. Значит – все.

Извините, Алари.

Извини, Земля.

Никогда не думал, что в наши тесные космические станции впишут такие помещения не первой необходимости, как тюрьма. Или она здесь по-другому называется? Карцер, гауптвахта, изолятор? Не знаю. Одно точно, у алари я сидел комфортнее.

Камера была совсем крошечная, размером с дачный сортир. В углу и впрямь помещался маленький унитаз, над ним с детской непосредственностью конструктор разместил термоконтейнер для разогрева пищи. Еще был телевизионный экран – я с удивлением убедился, что он работает, но транслирует лишь несколько российских телеканалов. Надо же, забота о культурном отдыхе узников присутствует. Нашли чем заняться – ретранслировать на борт станции поток мыльных опер и унылых шоу...

Когда нас с рептилоидом вели по станции, она кипела, как растревоженный улей. Носились по узким переходам черные береты – российские космические пехотинцы. Боевой пост, мимо которого мы прошли, был наглухо задрен – значит введена готовность номер один и за ракетным пультом сидят наводчики.

Серьезно. Все очень серьезно. Страна тряхнула сединой, поиграла одрябшими мускулами и решила не выпустить из рук чужую технологию. Куда уж тут рыпаться. Сиди и смотри, отвечай на вопросы и кайся в грехах...

Я развернул узкий гамак, забрался в него. Псевдогравитация здесь совсем слабенькая, весу во мне сейчас было, как в котенке. Гледа под потолком желтая лампочка, временами станция подергивалась – совершались какие-то маневры. Неужели обман не удался и заокеанские друзья сейчас устраивают выволочку нашему президенту?

Только волен ли президент отдать нас с рептилоидом всему человечеству? Эту операцию вела госбезопасность. Вряд ли она захочет делиться. А власть Шипунова сейчас вовсе не так устойчива, как в первые годы после переворота...

Мысли текли вялые, противные. Словно пробежал с рекордным результатом утомительный кросс, а тебе предлагают еще и поплавать в болоте. Как все было просто на Родине и у Алари. Тяжело и просто. А здесь вновь мышьяная возня и меленькие интриги...

Вытянув ногу, я ткнул в кнопку телевизора. Плюсы крошечного помещения – все под рукой... или под ногами.

Худшего выбора я придумать не мог. Первый канал транслировал музыкальный конкурс. Певица, неуклюже покачивающаяся на сцене, петь не умела абсолютно. Не ее это было занятие, ей бы у плиты стоять или купальники рекламировать. Но никого это не трогало. Вопили у сцены фанаты и фанатки, благосклонно улыбались в жюри коллеги певички – часть из которых даже имела слух и голос. Второй канал я пропустил с ходу – там шли новости, крупным планом показывали горящий вокзал. Четвертый канал порадовал меня политической беседой, сводящейся к тому, что все в жизни плохо, а надо бы жить получше. Пятый канал гнал рекламный ролик МВД. Замогильный голос за кадром вещал: «Вы можете нарушать закон – и тогда вам будут сниться кошмары по ночам! Вы можете быть честным гражданином – и хорошее настроение не покинет больше вас! Работники милиции имеют оружие и право применять его без предупреждения! Они хотят, чтобы все жили хорошо!» Нехитрый видеоряд состоял из мрачных небритых уголовников, белозубых смеющихся граждан и палящих в мишени милиционеров. Шестой канал, как обычно, крутил рекламу. Речь шла о новейших вакуум-памперсах трехсуточного действия. Я хотел было выключить телевизор, но тут на фоне улыбающегося ребенка в подгузнике появилось знакомое лицо – Анатолий Романов, пилот-инструктор «Трансаэро». Я остолбенел.

– Космические полеты – тяжелый труд, – сказал Толик. – Порой я провожу многие часы подряд, не имея возможности отойти от пульта. Раньше это было сопряжено со значительными неудобствами...

В глазах Толика блестел какой-то нездоровый огонек. Мамочка, сколько же ему заплатили?

– Теперь, с появлением вакуум-памперсов, мои проблемы решены... – обреченно закончил Толик. – Я взлетаю, выполняю джамп-перемещения, сажусь на чужую планету и возвращаюсь, не теряя времени на бытовые неудобства...

Я захохотал. Кончилась реклама памперсов, началась какая-то детская программа, а я все ржал, представляя Толика в памперсах за джамп-пультом. Нет, это же надо!

Открылся люк, и вошел-вплыл Данилов. Почему-то я представил полковника ГБ в тех же самых памперсах – «слежка за товарищами – тяжелый труд, порой...», – и мной овладел новый приступ веселья.

Данилов подозрительно уставился на работающий экран. Там скакали мультяшные звери и жизнерадостный голос напевал: «Днем в понедельник спать неохота, только бездельник ляжет в кровать...»

Так и не разобравшись в причинах моего веселья, Данилов отключил телевизор.

– Там Толика показывали, – добродушно объяснил я. – Толика Романова. Он памперсы рекламировал.

Данилов уселся на опущенную крышку унитаза и сказал:

– Тесновато. Не находишь?

– Мне нравится. Показания пришел снимать?

Александр вздохнул.

– Петр, у меня есть предложение...

– Ну, – подбодрил я запнувшегося полковника.

– Работаем единой командой. Все обвинения против вас с Андреем Валентиновичем снимаются.

– А рептилоид?

– Его доставят на любую планету Конклава. Не понимаешь?

– Не совсем.

– Твоему деду предоставят тело. Нормальное, здоровое человеческое тело. Счетчик сбросит в него сознание Андрея Валентиновича.

Наши взгляды встретились.

– На Земле тысячи людей, чье сознание погибло, а тело еще живет. Те, кого не откачали после клинической смерти, например. Это не более аморально, чем трансплантация органов.

– И что сказал дед?

– Пока ничего. Я решил вначале поговорить с тобой.

– А что от нас требуется?

– Сотрудничество. Только сотрудничество.

– Прошло полтора часа, – медленно сказал я. – Всего полтора часа. А вы уже убедились, что корабль Геометров не собирается вам подчиняться.

– Да. Ты должен помочь нам, Петр. Ради Земли, ради страны – переступи свои позиции. Ты человек. Ты русский.

– А ты помнишь, что во мне – куалькуа?

Лицо Данилова не дрогнуло.

– Трудно было бы забыть, пока ты находишься в этом теле... Ну и что? Если он хочет выдвинуть свои условия – пожалуйста. Но насколько я понимаю, их раса занимает пассивную позицию... впрочем, как угодно. Пусть говорит. Мы вовсе не против союза с ними, с Алари, со Счетчиками. Но наши интересы не позволяют бросаться очертя голову на край света. Если Земля получит хотя бы десяток таких кораблей... мы сможем говорить с Сильными на равных.

– Ты веришь в свои слова?

– У меня нет другого выхода. И у тебя нет, Петр. Допускаю, что это решение тебе менее приятно, чем полет к Ядру, но альтернатива еще хуже.

– И какая она, альтернатива?

Покачиваясь в гамаке, я был куда выше сидящего Данилова. Такая обманчивая, убаюкивающая позиция человека, способного диктовать условия... Правда, за открытым люком мелькала форма черных беретов, а податливость Данилова наверняка имеет границы.

– Судить тебя не будут, – спокойно сказал Данилов. – Тебя даже наградят каким-нибудь орденом за участие в операции.

Участие! Мы пахали!

– Наградят – посмертно?

– Не валяй дурака. Тебя наградят и спишут на Землю без права полетов. Ты будешь работать где-нибудь... слушать новости... пить научишься. И всегда будешь помнить, что твои товарищи пытаются что-то сделать... перехитрить незнакомую технику, переспорить чужих.

– А куалькуа? Вы пустите на Землю человека, в чьем теле – симбионт? Не верю!

Данилов покачал головой:

– Нам прекрасно известно, что по земле ходят десятки таких людей.

Мне показалось – или в глубине сознания раздался тихий смешок?

– Одним больше, одним меньше, – продолжил Данилов. – Если куалькуа меня сейчас слышит... я очень рад тому, что их раса лишена честолюбия. А любопытство – не порок. Альтернатива теперь ясна?

– Вполне.

Данилов ждал. А я молчал, хоть и принял уже решение. Долго молчал, пытаюсь заставить полковника заговорить первым. Но он и не таких обламывал.

– Можешь сказать деду, что я согласился.

Данилов кивнул. Поднялся, придерживаясь за обрез люка. И сказал:

– Только одно, Петя... Извини, но мы будем вынуждены принять меры безопасности. Очень жесткие. Очень.

Глава 5

– Не думал, что такая штука существует в реальности, – сказал я.

Маша защелкнула на моей шее металлическое кольцо. С внутренней стороны оно было оклеено мягким фетром, и эта заботливость казалась особо трогательной – словно наточенное лезвие гильотины.

– А в реальности ее и нет, – сухо сказала Маша. – Только у нас.

Ощущение, что я читаю какой-либо дедовский роман о тоталитарном режиме, стало острым до безумия. Я поежился, словно пытаюсь выбраться из стального воротника. Посмотрел на рептилоида. И дед, впервые с момента прилета на станцию, заговорил:

– Мария, вы воспользовались моими перспективными разработками? Каталогом «Несуществующее оружие»?

– Нет. Отдел по отслеживанию идей в фантастических романах существует с прошлого века. И у нас, и в ЦРУ.

Я заметил, что она старается не смотреть на рептилоида. Как бы Маша ни убеждала себя, что Андрея Хрумова больше нет в живых, что счетчик поглотил его сознание, – и все же ей было неуютно. Очень неуютно, я даже испытал к ней легкое сочувствие.

– Полагаю, тебе не надо ничего объяснять, Петр? Кодовый замок... причем механический. Радиоприемник. Двадцать пять граммов взрывчатки.

– Не много.

– Вполне хватает, Петя.

Она подняла руку, демонстрируя крохотный пульт.

– Не удаляйся от меня более чем на десять метров. Вначале пойдет звуковой сигнал, через пять секунд сработает взрыватель.

Мы сидели в каюте командира станции. Я, рептилоид, Данилов, Маша и двое незнакомых офицеров. Тот, что постарше, очевидно, и был командиром, второй, покрепче и помоложе, почему-то одетый в легкий скафандр, – видимо, куратор станции из ГБ.

– А если эта хренотень пробьет обшивку? – с военной прямолинейностью рывкнул командир. Вопрос о моей шее его не интересовал.

– Исключено. Взрыв направлен внутрь кольца, – успокоила его Маша.

Больше вопросов не возникло. Данилов встал, кивнул, указывая на дверь. Капитанская каюта помещалась на самом краю станции, и притяжение здесь было почти в половину земного. Я отреагировал не сразу – смотрел в огромный иллюминатор, за которым плыла Земля. Маленькая, красивая, замешенная на голубизне океанов и сероатой пене облаков. С материками неправильной формы, с абсолютно неправильными людьми. Но даже они не виноваты, что мне надели воротничок с двадцатью пятью граммами взрывчатки. Даже тот писатель, что первым придумал эту штуку, не виноват.

– Включаю, – сказала Маша. Нажала что-то на пульте, и на кольце замигала оранжевая лампочка. Неярко и неспешно, словно в такт пульсу. – Помни, десять метров.

– Спасибо, Маша.

Я отвел взгляд от иллюминатора. Поднялся.

– Петя, это неизбежная предосторожность. И только на начальном этапе, – сказал Данилов.

Ему явно было неудобно.

– А на меня не найдется воротничка, Машенька? – спросил дед.

– Излишне. Просто не пытайся нас коснуться.

Рептилоид со старческим кряхтением пошел за Даниловым. На миг обернулся, сказал:

– Когда же я в тебе ошибся, девочка?..

Маша его слова проигнорировала.

Так мы и двинулись к ангару. Впереди Данилов, затем мы с рептилоидом, за нами Маша и молодой офицер. Я заметил, что все они были вооружены парализаторами. То ли успели перезарядить, то ли не такая уж это редкость.

В коридоре и в лестничном стволе никого не оказалось. Наверное, специально очистили проход. Мы поднимались по узкой лестнице, винтом стелящейся по шахте, тело становилось все легче, движения обретали плавность.

– Если ты хотел их обмануть и убежать, то теперь это исключено, – сказал рептилоид. Кажется, именно рептилоид.

– Дед, – позвал я.

– Что, Петя?

– А ты как думаешь, чего я хочу?

– Боюсь предположить.

Понятно.

Нет, конечно, уйти я смогу. Очень даже запросто. За пять секунд скаут разнесет ангар и уйдет в гиперпространство. Ну а затем... что ж, после моей гибели он, вероятнее всего, вернется к Геометрам. Только это уже будет напоминать месть ради мести. Причем самоубийственную.

Идущий впереди Данилов обернулся:

– Петр... только не глупи, а?

Я скосил глаза на мигающий под подбородком огонек и промолчал.

– По-дурацки получается... – тихо сказал Данилов. – Времени нет. Сели бы, поговорили, выпили по рюмке... и разобрались бы. Всегда не хватает времени.

Он оттолкнулся от ступенек – гравитации уже почти не было, взмыл к потолку, открыл люк в ангар. И я – совершенно автоматически, прыгнул следом.

Лампочка на ошейнике загорелась ровным красным светом и запищал зуммер.

Я даже не успел испугаться. Воедино слились Машин крик: «Балбес!» и крепкий мат посмотревшего вниз Данилова. В следующее мгновение он приложил меня ногой по плечу, и я полетел назад. Судорожно вцепился в какую-то ступеньку, повис, прижимаясь к ней.

Зуммер стих, лампочка вновь замигала ровно. Маша держалась рядом, лицо у нее было белое. Офицер сжимал парализатор, словно не понимая, что стрелять-то не надо.

– Что ты творишь, что ты творишь, Петя! – дрожащим голосом сказала Маша.

Хотелось верить, что она напугана перспективой моей смерти, а не срывом операции.

– Забыл, – честно признался я. – Забыл я.

Болело плечо и отбитые о ступеньки ребра. Оторвавшись от лестницы, я повис в воздухе, удерживая на одной руке целых полкило своего веса.

– Я же не могу отменить взрыв! – Маша потрясла пультом. – Понимаешь?

Еще бы. Что тут непонятного? Я с трудом вытаскивал пальцы из-под ошейника – оказывается, совершенно машинально я просунул свободную руку под кольцо, словно пытаюсь прикрыть шею.

– Медленно и спокойно! – уже понижая тон, сказала Маша. – Давай...

Вслед за Даниловым я поднялся в ангар.

Здесь почти не ощущалось силы тяжести. Но она все же имелась – висящий посреди ангара шаттл с пристыкованным скаутом был зафиксирован тонкими леерами и парой страховочных ферм. На глухой стене ангара отдыхали пятеро космических пехотинцев. Все в скафандрах, правда, с открытыми гермошлемами, и с оружием. На меня с Даниловым немедленно уставились стволы. Судя по тыльным соплам противотяги и внушительному баллону вместо приклада, это были газовые винтовки, наиболее безопасное в условиях невесомости и тонких стенок оружие.

– Все в порядке? – приветствовал их офицер, выныривая следом.

Стволы ушли в сторону. Никаких паролей солдаты требовать не стали – хоть одна уступка здравому смыслу.

– Тихо, товарищ подполковник, – ответил крепкий рыжий парень со значком старшего сержанта на гермошлеме. Звания в космопехоте мало коррелируют с общевойсковыми. В отставку этот сержант уйдет по меньшей мере капитаном.

– Размещайте людей, Мирский, – бросил ему подполковник. Оглянулся на меня, потом, перехватив леер, сноровисто поплыл к открытому люку челнока.

Рептилоид просто прыгнул следом. С координацией у него было все в порядке – маленькое чешуйчатое тело мелькнуло через ангар и повисло на обшивке у аварийного люка, вежливо пропуская офицера вперед. Я заметил, что черные береты на миг застыли, впившись в счетчика жадными взглядами. Редко им приходилось видеть «потенциальных противников».

Очень медленно я пополз по лееру к шаттлу.

– Молодец, – похвалила Маша, двигаясь за мной.

Черные береты закончили перегруппировку. Какой в них был смысл – не знаю, внутрь корабля они все равно не заходили. Наверное, уровень допуска не позволял.

В тесный аварийный люк шаттла мы с Машей протиснулись вместе, нежно взявшись за руки. Мне вовсе не хотелось проверять, экранирует ли обшивка корабля сигнал ошейника. Машу, видимо, терзали те же сомнения. За порогом мы сразу же попадали на пол – здесь существовала гравитация.

Подполковник, ожидающий нас внутри, наконец-то снизошел до общения со мной. Его явно мучил вопрос, как ко мне относиться – как к предателю, как к подконтрольному куалькуа страдальцу или просто как к дураку.

– Петр... э... вы сейчас находитесь в *том* облике?

– Вы же наверняка видели мои фотографии, – не слишком вежливо ответил я, вставая.

– Хорошо. Мы... э... просим вас войти в корабль... Геометров. С вами будет полковник Данилов...

Данилов, забравшийся в шаттл, кивнул:

– Согласен.

Подполковник мрачно уставился на меня. Его продолжали терзать сомнения.

– Мария Клименко останется в шлюзе, – предупредил он. – Если вы закроетесь в корабле...

Я кивнул:

– Поверьте, я понимаю. Что потом?

Данилов и подполковник обменялись взглядами. Между ними явно имела место легкая конфронтация – Александр был старше по званию, но должность подполковника уравнивала ситуацию.

– Запрограммируйте компьютер корабля...

– Его нельзя программировать в нашем смысле слова. Это почти разумная машина. Он подчиняется мне, но лишь в определенных пределах.

– Тогда убедите! Нам необходимо знать принцип работы их двигателей, оружия, силового поля. Как я понимаю, корабль даже способен производить... собственные детали?

Я вздохнул.

– Не совсем так. Он саморемонтируется. Может восстановить поврежденный двигатель, например. Но это же не фабрика. Откуда ему брать материалы для производства?

Судя по вытянувшемуся лицу подполковника, аргумент показался убедительным. Наверное, вспомнилось слышанное когда-то, что материя из ничего не появляется. Данилов немедленно вступил в разговор:

– Петр, Алари по этому поводу высказывались достаточно определенно!

– Вот ты с них и спрашивай, – мстительно сказал я. – Саша, допускаю, что можно превратить корабль Геометров в завод по производству таких же кораблей. Только это потребует многих лет работы. В него придется подавать какие-нибудь сверхчистые материалы, которые на Земле еще не научились получать. Да и то... ну, скажем, снимешь ты с корабля двигатель, он послушно вырастит новый. И так же со всем остальным оборудованием. Допустим. А удастся ли потом все состыковать между собой? Ты в детстве конструктор собирал? Всегда выходило, как на картинке? А если дать тебе все детали, соберешь телевизор? Настроишь?

Но Данилов был непробиваем.

– Я – нет. Только это не моя специальность. Петр, твоя задача – чтобы корабль выдал образцы своей начинки и сообщил принцип их работы.

– Как – сообщил?

– Идем.

В шлюзовом отсеке я понял, что он имеет в виду.

Откуда-то из аппаратного отсека тянулся кабель – питание. К нему были подключены небольшой компьютерный терминал и внушительных размеров блоки оптической памяти.

– В любом случае нужен транслятор, для перевода... – начал я. И осекся. Данилов молча показал глазами на счетчика.

– И ты сделаешь это, Карел? – спросил я.

– Уже делал, – просто сообщил счетчик.

Ну конечно. Он же подключался к компьютеру корабля Римера, когда тот был захвачен. Наверное, и без моей помощи рептилоид способен выкачать из корабля всю необходимую информацию...

Или нет? Одно дело – своровать «оперативную память», то, чем компьютер живет постоянно: язык, карты, видеозаписи. Другое – вытащить заложенные в его глубине данные, полностью подчинить себе машину.

Значит, вначале я должен убедить корабль подчиниться...

– Давай, Петя, – подбодрил меня Данилов.

Я посмотрел в открытый шлюз. Кабина скаута неярко светилась. И полная тишина, такая нехарактерная для земных кораблей, никакого гула вентиляторов, шороха компьютерной периферии. Словно корабль спал – или умер. И все же я знал – он работает. Впитывает информацию. Делает выводы. Возможно, понимает, что происходит.

Пусть даже для корабля я остаюсь пилотом Ником Римером, законным хозяином. Все равно, когда встанет вопрос о выдаче информации – он может не подчиниться.

Когда интересы личности и общества не совпадают, для Геометров существует только один вариант решения.

– Не уверен, что он захочет сотрудничать, – сказал я.

Подполковник пробурчал что-то о слишком умных машинах и слишком глупых людях.

– А ты попробуй, Петя, – попросил Данилов. – Я в тебя верю.

Похоже, он не шутил.

– В данной ситуации и для Земли, и для тебя лучше, чтобы корабль подчинился.

Я двинулся к шлюзу. Маша пошла следом, но у люка остановилась, сжимая в руке пульт.

– Входи, входи, – подбодрил Данилов.

Шагнув в люк, я секунду подождал. Ничего.

Тогда я сел в кресло. Подождал секунду – и опустил левую руку в теплый коллоид терминала.

Очень сложная ситуация, пилот.

Да уж, – согласился я.

Впустить существо, пытающееся войти?

Я оглянулся на Данилова, заносающего ногу в люк.

Впускай. Что уж теперь.

Полковник, не подозревающий об этом безмолвном диалоге, сел во второе кресло, посмотрел на меня.

– Ну?

– Не отвлекай, я работаю, – с мстительным удовольствием ответил я. То, что Данилов никак не может проконтролировать процесс общения, доставляло удовольствие.

Это человек?

Похоже, компьютер был в затруднении. Данилов отвечал всем признакам, по которым Геометры определяли «своих», но вот убогая станция и само ее положение в пространстве приводили машину в замешательство.

Да.

На каком языке вы общаетесь с ним?

Ну конечно. Откуда ему знать русский?

Это особый язык для передачи важных данных, – наобум заявил я. Единственное, что мне помогало – это то, что корабль был начисто лишен критичности.

Кто он такой?

Я хотел ответить «чекист» или «работник госбезопасности», но у Геометров таких слов просто не было. Вместо этого получилось:

Старший Наставник.

Необходимо возвращение на Родину, – немедленно заявил корабль.

Так я и знал.

Позже. Вначале нам надо оказать помощь.

Кому?

Этим людям.

Корабль молчал, и у меня возникло четкое ощущение, что сейчас он перестанет подчиняться и вообще разговаривать.

Зачем?

Миссия Дружбы.

Может, проймет?

Какую помощь?

Эти люди утратили знания. Им необходимо помочь в развитии космической технологии...

Я даже не успел закончить, когда понял, что происходит. Я, регрессор, уговариваю корабль регрессоров оказать непонятно кому техническую помощь!

Нет. Ситуация нестандартна. Требуется решение Мирового Совета. Информация непроверяема и, возможно, неадекватна. Начинаю подготовку к возвращению. Обеспечь открытие шлюза.

Откинувшись в кресле, я закрыл глаза. Ну вот. Может, компьютеры Геометров и наивны по-своему. Но когда логика начинает трещать по швам – их не переубедить.

Возможно, будь это тот, первый корабль, сжившийся с Ником Римером, я бы и сумел что-то сделать. Но с этим такой фокус не пройдет.

Подожди, – попросил я. *Подожди. Сложная ситуация.*

– Что-то не так? – спросил Данилов. Наверное, на моем лице сейчас отражались вполне однозначные эмоции.

– Все не так, – ответил я. – Он не хочет. И мне его не переспорить. Это же почти разумная машина. Ему надо доказать, что передача информации пойдет на пользу Геометрам.

– Он отказывается?

– Он собирается вернуться на Родину.

Данилов зажевал губами. Мне показалось, что он готов выбраться из скаута. Но я недооценил его упорства.

– Карел, подключайся.

Рептилоид заглянул в люк.

Впустить существо?

Или мне показалось, или в интонациях появилось подозрение.

Да.

Карел устроился между креслами. Данилов дождался, пока он перестанет возиться, и приказал:

– Он не хочет сотрудничать. Взломай его.

Рептилоид повернул голову, посмотрел на Данилова. Четко сказал:

– Я отмычка, а не лом.

– И все же – попробуй.

Что происходит?

Подожди, я решаю ситуацию!

До момента, когда компьютер признает мое поведение неадекватным и начнет действовать по своему усмотрению, явно оставалось ждать недолго.

А самое печальное было в том, что я и не хотел победы Данилова. Если бы не проклятое кольцо на шее...

Тебе помочь снять ошейник?

Вначале я решил, что это реплика корабля. Куалькуа вступал в беседу слишком редко.

– Как? – от растерянности я ответил вслух. Данилов покосился, но ничего не сказал.

Снять?

Да!

Будет больно.

Снимай!

Затылок пронзила острая игла боли. Затем кожа словно онемела, мышцы одеревенели. И – кольцо зашевелилось.

Оно погружалось в мое тело!

– Ну как, получается? – резко спросил меня Данилов. К счастью, в кабине было слишком темно, чтобы он увидел происходящее. Ответить я не мог – шея превратилась в кусок дерева, в обрубок бревна... слабо подрагивающий с затылка, всасывающий ошейник... Я поднял руку и отмахнулся.

На подавление всех рецепторов потребуется время. Если скорость важнее – терпи.

Я терпел.

А металлическое кольцо начало выступать из-под подбородка. С фетра сочилась кровь. Куалькуа тащил ошейник сквозь меня, с небрежностью патологоанатома раздвигая живые ткани. На мгновение у меня онемело все тело, я обмяк, с ужасом почувствовал, как перехватило дыхание, засбило сердце, по ногам заструилась горячая струйка мочи. Куалькуа рассек позвоночный столб!

Извини.

Я с шумом втянул воздух. Маленькое чудовище во мне продолжало свою работу, поспешно залатывая канал, по которому прошел ошейник. Нет, боли я почти не чувствовал, куалькуа пугал зря. Это ощущение было совсем другим, но не менее неприятным.

– Петр... – Данилов вздрогнул, медленно потянул ко мне руку. И вдруг закричал: – Петр!

Кольцо болталось у меня на горле, держась на последнем лоскутке кожи. Наверное, забавно это выглядело. Не человек, а граната...

Счетчик зашелся булькающим смехом.

В люк заглянула Маша. Уставилась на меня, тоже ничего не понимая.

– Лови! – закричал я, вырывая ошейник. Брызнула кровь, но мне было все равно. Время думать кончилось, наступило время действовать. Я метнул ошейник в Машу, и та машинально схватила его. – Поймала? – мстительно уточнил я и тут же заткнулся, уклоняясь от удара Данилова. В тесном пространстве кабины драться было бесполезно, все, что я мог, – это удерживать его руки. Но ко мне помощь пришла быстрее – счетчик дернулся и саданул его лапой по лицу. Данилов вскрикнул и отключился. Вряд ли виной были царапины от когтей – счетчик его именно выключил, еще раз продемонстрировав, что разница между человеком и компьютером не так уж велика.

Ожидая приказаний.

Расстыковка!

Я даже не удивился, что после начала драки насторожившийся было корабль мгновенно преисполнился ко мне доверия. Все его сомнения немедленно обернулись в мою пользу. *Недрузья* напали на Геометра... на самого человеческого человека...

С громким чмоканьем корабль отошел от челнока. За спиной Маши мелькнуло совершенно озверевшее лицо подполковника, он вытянул руку с пистолетом и выстрелил. Мимо. В момент расстыковки гравитация исчезла, и он повис в воздухе. Голубой луч парализатора словно послужил сигналом – по скауту застучали пули. На что надеялись космопехи, сказать трудно, но палили они энергично.

Непринципиальные физические воздействия, – прокомментировал корабль.

Люк начал сходиться, и в этот миг события окончательно набрали скорость. Маша отбросила ошейник и прыгнула через разделяющее челнок и скаут пространство. Рассчитала она здорово – через миг ее ладони вцепились в сходящиеся края кабины. Какую природу имело гравитационное поле скаута – не знаю. Но, прикоснувшись к обшивке, Маша мгновенно попала под его влияние, обвисла, начала подтягиваться. Запрокинула подбородок на сходящуюся диафрагму, просунула голову внутрь – и оказалась в ошейнике ничуть не менее страшном, чем был мой. Кабина прекратила закрываться, и в двадцатисантиметровой дыре остались лишь Машина голова и судорожно сжатые ладони.

Продолжить герметизацию?

– Нет! – Я вскочил, перегнулся через обмякшее тело Данилова с твердым намерением выпихнуть Машу наружу.

– Она без скафандра, – внезапно сказал счетчик. Нет, не счетчик – дед. – Пит, она же без скафандра!

Наверняка Маша была напугана. И все же в глазах девушки блеснул радостный огонек. Выпихнув ее из скаута, я лишился бы возможности протаранить хлипкие стенки ангара и вырваться на свободу. Пехотинцы и подполковник были в скафандрах, им разгерметизация не страшна. А вот для нее...

Неужели она так уверена, что я не захочу убивать?

– Приоткрой кабину! – скомандовал я, и корабль, умница, понял приказ, чуть раздвинув колпак кабины. Втянув Машу внутрь – она и не сопротивлялась, и не помогала, просто ничего не предпринимала, – я грубо швырнул ее на Данилова.

– Не двигайся! – все же уточнил я. Вырвал у нее из кобуры парализатор, сунул себе за пояс. – Где еще оружие?

Кабина закрылась.

– Ищи.

– Обойдешься, – решил я. Посмотрел на счетчика – тот на мгновение приник к Маше, отпрянул. Теперь майор госбезопасности Маша Клименко разделила судьбу Данилова. – Деда, ты как?

– С ним все хорошо, – ответил Карел. – Что ты будешь делать?

– Вначале – убегать. Изображение!

Экраны засветились, и я получил возможность наблюдать за действиями космопехоты. Надо признать, они старались.

Сержант Мирский парил у самой обшивки. С остервенелым лицом он палил в кабину из винтовки. Противотяга в оружии была отстроена хорошо, и сержанта почти не закручивало при выстрелах. Так, легкие подергивания... Но это не давало никакого толку.

Остальные солдаты повисли вокруг скаута, держа его на прицеле, но не действуя. Один что-то быстро бормотал в шлемофон. Подполковник, так и не вышедший из челнока, занимался тем же.

Корабль, похоже, сам оценивал важность той или иной сцены и демонстрировал их с ловкостью опытного оператора.

Вскрывать ангар.

Использовать лазерный зонд?

Как угодно.

Луч был абсолютно невидимым. На огромном шлюзовом люке вдруг вспыхнула красная точка, брызнул мгновенно стынущими каплями расплавленный металл. Солдаты оборачивались, и гамма чувств, пробежавшая по их лицам, вполне подошла бы отряду буденновцев, выскочивших лихим галопом на танковый клин.

Скаут начал двигаться. Еще без включенной тяги. Его тащило воздухом, рвущимся из разгерметизированного ангара. Пылающая линия чертила люк, вспарывая обшивку. Металл начал выгибаться наружу.

Я представлял, что сейчас происходит на станции. Воют сирены, подается энергия на излучатели, люди занимают боевые посты. Тщетные усилия... между земной станцией и чужим кораблем непреодолимая пропасть технологии.

Солдаты бросили заниматься ерундой и что-то торопливо переключали в винтовках. Ага... их же можно использовать как двигатели. Через несколько мгновений бравая космическая пехота уже разлетелась, прижалась к стенкам, вцепилась кто во что смог.

А лазерный луч стремительным взмахом завершил окружность – корабль наконец-то понял, что к тонким стенкам станции не нужно прилагать больших усилий.

Глава 6

Земля плыла под нами. Не бескрайняя равнина, как с низкой посадочной орбиты, не яркая голубая звездочка, как с неудавшегося джамп-захода. Шар. Комок пыли, ставший домом для миллиардов живых микробов.

Это самое беспощадное расстояние, самое уничижительное зрелище – маленький шар, тонущий в черном небе. Именно в такие мгновения я начинал понимать, как мал наш мир. Мал и ничтожен, жалок и смешон. Что мы такое по сравнению со Вселенной? Вот – Земля еще сохраняет очертания материков, но уже можно протянуть руку – и планета ляжет на ладонь покорно и безропотно. Горные хребты оцарапают кожу, океаны намочат пальцы, атмосфера слетит, как кожура с перезрелого апельсина. Земля – в ладони.

Мы, кажется, считали себя центром Вселенной?

Какие-то полтысячи лет назад?

Там, на этой крошечной выпуклости, называемой Европа, разжигали костры, раз и навсегда доказывая нашу уникальность?

Здесь, на стыке двух ничтожных континентов, впервые сумели подняться в черное небо?

А с той стороны шарика и до сих пор считают себя самыми-самыми совершенными?

Зачем мы вышли в космос! Зачем придумали джамп! Надо было остаться – на огромном-преогромном шаре... нет, на огромной равнине, прочно покоящейся на трех китах и трех слонах. Строить дома, вести философские диспуты, влюбляться, растить детей... и никогда, никогда не сомневаться в том, что над нами – голубой хрусталь небосвода. Пусть бы глупые Хиксоиды и Алари залетали к нам с той стороны хрустала, качали уродливыми головами – и уносились обратно. Ценности не представляем... сколько таких миров на обочине Галактики!

Нет же, нам показалось мало бесконечной планеты на крепких, натруженных слоновьих спинах. Мы прыгнули в черное небо – и Земля легла в ладони. Уже не та, что раньше.

Киты нырнули в черноту, слоны захлебнулись и утонули, Гагарин посмотрел в крошечный иллюминатор и радостно воскликнул: «Она маленькая!»

Да, маленькая. И становится все меньше. «Что за беда по сравнению с мировой революцией?» «Что за беда по сравнению с величием мироздания?»

Слишком далеко и слишком быстро мы прыгнули. Отправились искать других, еще не найдя себя. Нам ведь не место под чужим солнцем было нужно, не железный рудник на Луне или урановые копи на Венере. Мы искали ответ. Искали путь. Константу, рядом с которой меркнут наши беды и проблемы.

А нельзя было уходить с Земли с этим грузом.

...Я разжал руку, выпуская бело-голубой шар. Пусть себе летит.

– У тебя течет кровь, – сообщил счетчик.

Аптечки в корабле Геометров не было. Или я просто не знал, где ее искать. Обвязав шею носовым платком, я положился на то, что кровотечение все-таки поверхностное. Куалькуа, верный своему принципу невмешательства по мелочам, не потрудился закрыть рану.

– Что ты будешь делать теперь?

В кабине было тесно. Слишком тесно для трех человек и рептилоида. Станция «Гамма» висела в десятке километров от нас, уже неподвижная, в боевом состоянии. Но стрельба пока не началась.

– Ты стал преступником перед своей планетой. Зачем?

– Думаешь, я не прав? – спросил я рептилоида.

– Не важно мое мнение. Что теперь собираешься делать ты?

– Поговорить с дедом.

– Хорошо, – согласился счетчик. Секундная пауза – пока он уступал место деду. – Дубина!

– Спасибо, дед.

– Не за что! Дубина! Уходи отсюда, не виси в прицелах!

– Думаешь, попытаются уничтожить?

– Вопрос времени! Командуй!

Дед был не просто рассержен – разъярен:

– Совершать глупости – не преступно. А вот не доводить их до конца – преступление!

– Надо что-то делать с ними...

Я указал на неподвижные тела Данилова и Маши. Рептилоид оскалится:

– Что? Что теперь делать? Или мы снова вместе, или выбрасывай их в вакуум! Иного не дано!

Закрыв глаза, я потянулся к разуму корабля. Не было времени вести разговор. Я просто передал ему свое желание.

Ядро.

На самом деле я не рассчитывал, что это окажется так просто. Геометры бежали оттуда, и все полеты к центру Галактики могли быть под запретом. Я настраивался на долгий спор, на словесную эквилибристику, уверения в необходимости такого полета для Родины. Возможно – на вмешательство Карела и взлом компьютера.

Не может же корабль так просто согласиться!

Выполняю.

Экраны померкли, сохранив лишь бледное желтое свечение. Исчезла Земля, исчезли звезды, исчез космос. К горлу на секунду подкатила тошнота.

И все.

– Что происходит? – спросил дед. Нервозность, которую не мог передать речевой аппарат рептилоида, угадывалась в резкости вопроса.

– Кажется, мы уже в пути, – растерянно ответил я.

– И никаких приятных ощущений? Жалко... – Похоже, дед шутил. И не иначе как от волнения. – Петр, ты уверен? Куда мы летим – к Ядру или к Геометрам?

Время полета – двенадцать часов шестьдесят три минуты.

Я прикинул время.

– Похоже – что к Ядру, деда.

Рептилоид закричал, заворочался. Потом сказал:

– Слишком просто... как-то слишком просто. Я не люблю, когда все начинается слишком удачно.

Я мог бы сказать, что плен, побег и разгром единственной российской боевой станции – вовсе не гладкое начало. Только не до пререканий было сейчас.

Совсем не до пререканий.

– Дед, надо что-то делать... с ними.

Рептилоид медленно перевел взгляд на обмякшие тела гэбистов.

– Решай это сам, Петя. Решайте это вместе с Карелом.

Секунда – и взгляд счетчика изменился.

– Они слышат нас, Карел? – спросил я.

– Да. Я заблокировал только двигательную функцию.

– Освободи их.

Счетчик выдержал паузу – не размышляя, конечно, а лишь демонстрируя мне свои раздумья.

– Ты уверен, Петр?

– Да.

Чешуйчатая лапа небрежно скользнула по руке Данилова, шлепнула Машу по щеке. И люди зашевелились.

Я молча смотрел, как недавние друзья и еще более недавние враги обретают власть над своими телами.

Данилов широко зевнул – будто человек, пробуждающийся от мирного и сладкого сна. Видимо, спазм сводил мышцы. Лицо исказилось в болезненной гримасе.

– Сволочь ты, Петя...

Я молчал.

– Сволочь и дурак...

Данилов помог Маше присесть. Нелепо, чудовищно нелепо и неправильно было то, что четыре человека, один из которых даже не имел больше человеческого тела, готовы сейчас сцепиться насмерть в уютной скорлупке чужого корабля.

– Не с меня все началось, – сказал я. Понимая, что не стоит перед ними оправдываться, не стоит хотя бы потому, что я не чувствую никакой вины за собой.

– Ты все сломал... – тихо сказала Маша. – Все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.